

Скифского рода Фома Славянин

Это яркая личность отечественной средневековой истории, проявившая себя на чужбине. Как в недавние времена потомки Демидовых и иных русских элитных родов. Как в раннее средневековье Аспары и Виталиан, Боа-рикс и Горда, Боян и Добрент... Таких проявлений за тысячи лет Великой Скифии и более десяти веков Руси и России бездна. Даже если начинать только с формирования индоевропейства...

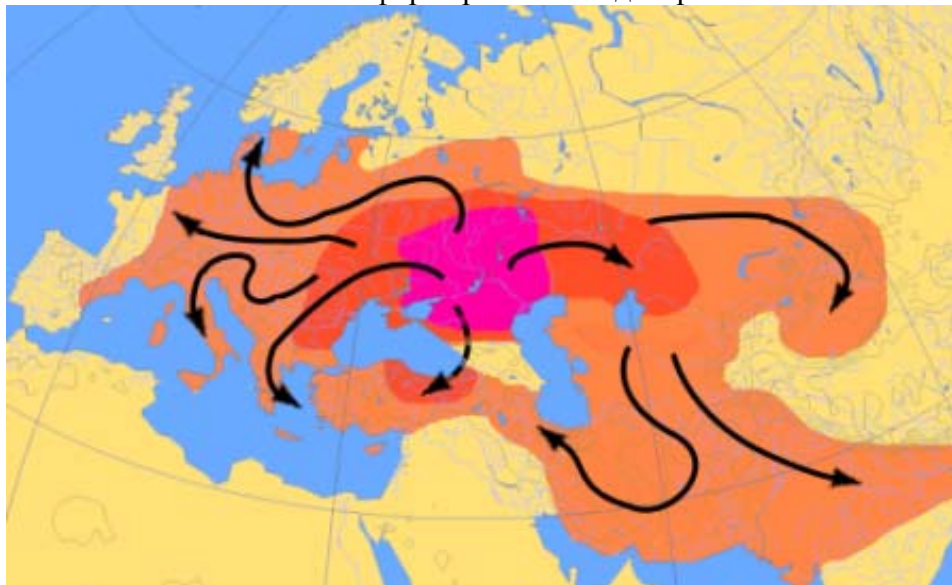

Рис. Расхождение индоевропейцев с 4 тыс. до н.э. из региона низовий Волги и Дона.
http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/5a/IE_expansion.png

Летопись византийца Феофана http://www.krotov.info/acts/08/3/feofan_00.htm под 791 годом нашей эры (6291 от сотворения мира) сообщала, что арабские войска грабили азиатские фемы (военно-административные округа) империи. И примерно в этот момент

«В марте месяце, 7 индиктиона, Акамир - начальник славян в Верзитии, подстрекаемый жителями Эллады, хотел бы увести сынов Константина и кого-нибудь из них провозгласить царем. Царица Ирина, узнав это, послала великого Феофилакта оруженосца племянника своего к патрицию Константину отцу его, и приказала лишить их зрения, таким образом, рассеяла злоумышленников своих».

http://www.krotov.info/acts/08/3/feofan_06.htm

Карл Великий

Императрица Ирина

<http://www.vrata11.ru/school/karl/1.htm> historic.ru/.../f00/s00/z0000048/st006.shtml

Дело шло к браку Карла Великого и императрицы Ирины. К объединению двух могущественных империй всего средневекового мира, властным устремлениям которых досаждали всякие их противники, включая и славян. Пращуры славян «нарци еже суть словене» – если верить русским летописям – проявляли себя в Азии в числе 72 первых народов на планете во времена строительства Вавилонской башни. Около 47 веков назад, по христианской хронологии. В эти места многократно устремлялись и выходцы из Скифии. Молодые цари Плин и Сколопит около 41 века назад, позже – Сагил и его сын Панасагор. Затем Танай, Лигдамид, Мартатуа, Мадий... Для индоевропейцев земли Западной Азии никогда не были чуждыми. Академия Тринитаризма дала в пользу этого множество сведений <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111090.htm> и др.; <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111110.htm> и др.

Пращуры славян давно обосновывались и у Дуная. А в начале средних веков сделали своими и многие византийские земли, запустевшие от долгих войн. По В.В.Седову, славяне Верзитии (заметное созвучие русским «верзилам») контролировали земли сравнительно далеко от Константинополя, но по соседству с другими Славиниями (землячествами-княжениями славян) на землях Византии и Болгарии. Историкам известен подтвержденный массой источников масштабный процесс ославянивания Византии.

http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/03_07/SEDOV.HTM

Это был далеко не первый случай активности славян в политической жизни империи, в том числе и с учетом интересов арабов. Важные сюжеты неплохо отражены монографиями В.П.Кобычева «В поисках прародины славян» (М.: Наука, 1973); Д.Е. Мишина «Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье» (М., 2002) и некоторыми другими работами, что выявляются с помощью поисковых систем Интернета.

Через четверть века после Акамира решил представить себя спасшимся от врагов Константином все еще мало известный россиянам Фома Славянин. Он объединил усилия многих народов, преимущественно округи Кавказа, и ряда Славиний. После поражения соратников Фомы «неожиданно» возникает средневековая Русь Рюриковичей (как бы не было северных архонств раннего средневековья). Смолене – вероятнее всего - проявляют себя и в округе будущего Смоленска. Северы – в округе будущего Новгорода Северского. Драгуниты напоминают дреговичей. У травунян ищут связи с древлянами. А у езеритов есть созвучия с поозерами Приильменя. Конечно, все эти сопоставления требуют тщательной проработки. Но отток части славянских общин с юга – особенно из Подунавья - на север общеизвестен, подтверждается и летописями.

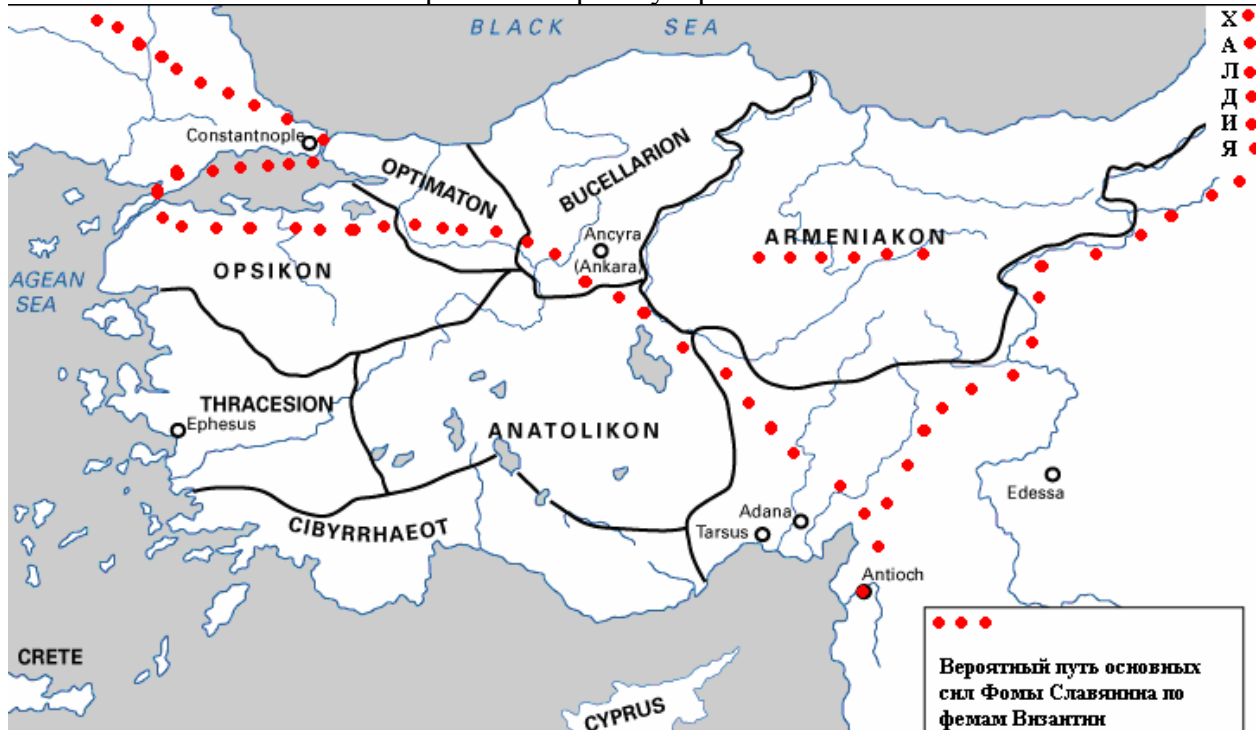
Рис. . Славянские землячества-княжения Балканского полуострова и Пелопоннеса (по В.В.Седову) <http://lib.crimea.ua/avt.lan/student/book5/index.html>

Если деяния Акамира отражены лишь небольшой ремаркой хронографов, то все еще чуждый россиянам Фома Славянин удостоился много больших и авторитетных сообщений. Даже византийский император Михаил II Травл (по некоторым источникам – соперник Фомы при императорстве Льва Армянина в борьбе за трон) посчитал необходимым – уже после смерти Ирины и Карла - написать императору франков Людовику Благочестивому (10 апреля 824 г.)

«...Во времена Льва [V Армянина (813-820 гг.)], который до нас управлял этой империей, жил некий человек по имени Фома, который был учеником древнего дьявола и охотным исполнителем его дел. Он находился на службе одного из виднейших патрикиев и в правление императрицы Ирины [(797-802 гг.), т.е. явно мог знать об Акамире] совершил предательский поступок по отношению к своему господину, а именно вступил в связь с его женой. Когда эта история обнаружилась, бежал в Персию, боясь, что будет подвергнут судебному наказанию.

Там он пробыл от дней вышеназванной Ирины до [воцарения] вышеназванного Льва, отвергнув веру в Христа. Отказ от христианской религии облегчил ему возможность подчинить своему влиянию многих неверных из числа сарацинов и других подобных народов, которых он уверял, что является Константином, сыном уже упомянутой императрицы Ирины (и это еще раз связывает Фому с замыслами Акамира), что он благополучно бежал, тогда как другой был ослеплен вместо него. Из-за этого-то вышеназванные язычники и поддерживали его.

Прежде всего он начал вместе с ними совершать грабежи и силой подчинять своей власти других. Кое-кому он раздавал деньги, а иных соблазнял обещанием чинов и должностей. Короче говоря, этот Фома, выступив из Персии с сарацинами и персами, грузинами, армянами, авасгами и другими племенами, подверг во времена названного Льва [многие области] разорению, захватил и подчинил своей власти всю фему Армениак [т. е. Армениак], а также фему Халдию, население которой обитает у Кавказских гор; с большими силами он нанес поражение стратегу Армениака.

Мы опускаем подробности, ибо не к чему подробно говорить о подобных смутах; тем временем упомянутый император Лев, который оказался бессильным противостоять натиску тирана, попал в затруднительное положение и совершенно отчаялся; этот Лев был внезапно убит злонамеренными людьми, составившими против него заговор.

После его смерти (Михаил не указал на свою причастность к этой смерти) не было правителя, и тогда с соизволения отца и сына и святого духа, составляющих одну божественную субстанцию, и при посредничестве владычицы пречистой богородицы и всех святых были собраны согласно древнему обычаю все, а именно: блаженнейший патриарх [Феодот Мелиссин (815-821 гг.)], славные наши патрикии, светлейшие синклитики и архонты (князья) различных провинций, которые в то время были [в Константинополе] С их общего согласия мы были поставлены во главе империи: в значительной мере из-за грозной опасности и волнений, которые вызвал этот убийца и предатель родины. Нас ведь знали и ценили наши светлейшие архонты.

Таким образом, придя к власти, мы нашли христиан разделенными и несогласными; точнее говоря, многие стали последователями обмана и нечестия, возбужденного этим нечестивым тираном; поэтому мы не могли легко объединить наших верных христиан, чтобы вести против него войну.

Эти обстоятельства мешали нам и, наоборот, благоприятствовали Фоме; ему удалось соблазнить и присоединить многих; собрав флот из наших кораблей и дромонов (это еще одно свидетельство полиэтничности флотов противников империи со времен Великой Скифии), он получил возможность достигнуть Фракии и Македонии. Итак, быстро подойдя к нашему городу (Константинополю), он осадил его с суши и с моря в декабре XV индикта, [т. е. 821 г.]. Мы, однако, несмотря на малочисленность воинов и бойцов, не оставались безучастными, но вступали с ним в схватки и отражали от города. Однако Фома, как уже было сказано, привел большую армию [наших] врагов; с ним были не только те, о ком мы уже говорили, но также и выходцы из [различных] областей Азии и Европы, из Фракии, Македонии, Солуни (в округе влиятельных славянских землячеств) и из окрестных Склавиний («скифы кои суть русские», славяне известны и по морской атаке Константинополя 626 г.), и это обстоятельство сделало осаду длительной: она продолжалась - более или менее точно - около одного года.

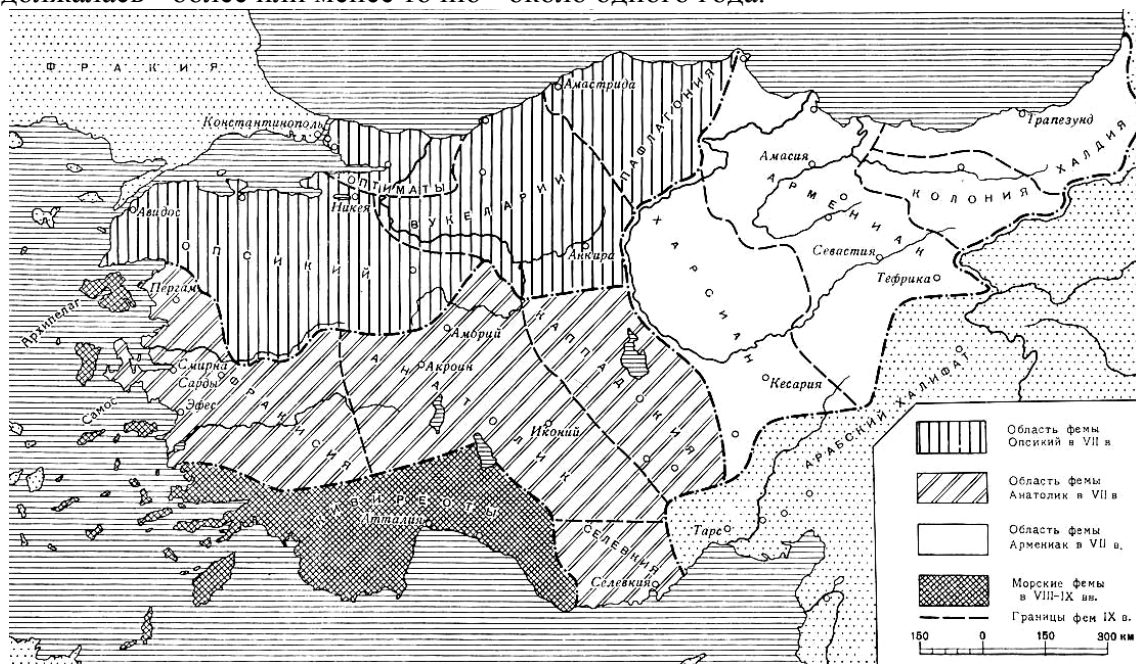

Рис. Формирование фем (военно-административных округов Византии) к 9 веку.

<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/map000.shtml>

Мы же, видя стойкое упрямство этого дьявола и убийцы, его нечестие и соблазнение христиан, которых он привлекал, возложили свои надежды на Христа, истинного бога нашего и заступника, и с чистой верой вышли из нашего города против этого тирана, а он стоял тогда лагерем в 30 милях от города. Когда мы сошлись в битве, сам господь бог, который всегда был заступником и хранителем империи нашей, послал

князя своего воинства Иисуса Навина, и он рассеял и разогнал войско [врагов] и дал нам одержать верх над ними. Желая щадить христиан, мы приказали дать сигнал к отступлению и удерживали наших от побоища.

Воспользовавшись этим, язычники и инородцы, которые были вместе с Фомой, виновником их гибели, смогли ускользнуть; они бежали, преследуемые нами, и были окружены в Аркадиополе (*ныне турецкий - Люлебургаз на пути к Эдирне-Андрианополю*) одним из фракийских городов. Часть из них, рассеявшись, скрылась в горах; другие вступили в город Панид.

Послав войска, мы приступили к осаде. Город, в котором находился ненавистный богу и забытый им Фома и его приспешники, был осажден пять месяцев. Желая, как уже говорили, щадить наш народ и город, мы взяли живыми как самого Фому, так и всех, кто был с ним, - и соотечественников, и инородцев; самого Фому, лишенного рук и ног, мы приказали подвесить на фуркеб. Один из его приемных сыновей был убит нашими верными людьми в Азии, другого мы приказали подвергнуть той же казни, что и его мнимого отца. Таким путем была уничтожена память о них на земле во веки веков, согласно написанному [Псалтирь, 9, 7]: "у врага совсем не стало оружия [и города ты разрушил; погибла память их с ними]".

Всех сарацинов и армян, и прочих, кто бежал с поля боя, мы взяли живыми и согласно воле божией наказали их. Затем мы подошли к крепости, которая называется Панид, куда укрылась, как мы уже упомянули, часть наших врагов; мы обещали им жизнь, если они захотят принять нашу веру. Они, однако, не желали повиноваться нашему приказу, предпочитая умереть, но не сдаться, и тогда господь наслал на них землетрясение, и содрогнулся город, и пали его стены, как это случилось, говорят, в Иерихоне, и таким образом они были преданы в наши руки. "Monuments Germaniae Histonica", Legum sectio III, Consilia, t. II, 2, p. 476 - 478. »

www.pravoznavec.com.ua/books/317/24394/22/

Это императорское мнение – политического противника Славянина скифского рода. Но были и иные мнения.

По византийскому автору 10 века Генесию, Фома был любим всеми, не уступал ни в мужестве, ни в учтивости и обходительности, ни в иных лучших качествах императору Льву, хотя и являлся по происхождению из скифского рода, был уже старцем и имел искалеченную ногу. По свидетельству другого источника (продолжателя Феофана) — Фома происходил из славян (Σκλαβογενών), «часто встречающихся на востоке». Понятно, что это не очень приятно официальной науке, так как надо учитывать славян в Азии и неизбежный исход хотя бы отдельных общин их сюда с территории будущей Руси. Например, около 737 г. на земли халифата переселено около 20 тыс. славянских семей от Дона или Волги. Славянские поселения в Малой Азии известны с конца 7 века при императоре Юстиниане, когда славяне во главе с князем Небулом составляли гвардию империи (см.: *Dvornik F. Les Slaves, Byzance et Rome en IX siecle. Paris, 1926. P. 18*). Славянское происхождение Фомы признается сейчас почти всеми исследователями (см *Pajkovich M. О пореклу Томе, воће устанка 821—823 // ЗРВИ. 1953. Т. 2; Lemerle P. Thomas le Slave; и др.*), хотя источники иногда и оговариваются.

Например, для Симеона Магистра — Фома был ромеем, но ромеями признавались уже в античности выходцы из самых разных этносов на землях Рима, особенно если они пробивались в элиту. Византийское законодательство было обращено и к регулированию в империи жизнедеятельности славянских общин (Ф. И. Успенского — К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, 1883, кн. 1, ч. ССХV, стр. 326, где автор устанавливает связь между стратиотскими участками и славянскими общинами в Малой Азии).

Фома у императора Михаила (тот сам был связан с иудейством) лишен национальности – он предстает просто как человек (без роду и племени), но противник веры в Христа, ученик древнего дьявола и сам дьявол, что отчасти и лишает его места в

русских христианских летописях. А стоит отметить, что движение Фомы происходило геополитически не столь и далеко от рубежей Руси. Около 790 г. нападение на Крым осуществил новгородский князь Бравлин (возможно, Буревой в других источниках, отец Гостомысла – деда Рюрика по матери): <http://kpot.narod.ru/crimea/legend/leg25.htm>; <http://meroving.narod.ru/20070527/wolf44.html>; trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02110060.htm и др. По времени это близко акции Акамира. Бравлин принял крещение в храме Софии в Суроже.

К началу 9 века франки усиливают давление на славян в Центральной Европе. Византия пытается окончательно покорить славян на своих землях, по сути, поддерживая Хазарию в давлении на русские княжения («племена», каганаты и т.п.). Упорное (в различных геополитических интересах) деление славян на западных, южных и восточных не дает зачастую осознавать, что у всех славян в ту пору могла быть и была единая общеславянская политика – противостояния всем миром любым антиславянским силам. Однако этим враждебным к славянам (как и многим другим народам) силам удавалось и удается раскалывать общеславянское единство, затем по одной подчиняя раздробленные страны своим интересам. Последние примеры дробления Чехословакии, Югославии, славянских республик в составе СССР общеизвестны.

Фома представлял не общеславянскую – а еще большую опасность, так как выражал полиэтничные интересы (не только славян) противников диктата Византии. Он выступил – по свидетельствам императора Михаила - из округа Персии с сарацинами (арабами) и персами, грузинами, армянами, абасгами и другими племенами. А по мере продвижения его войска пополняли выходцы из других областей Азии и Европы, из Фракии, Македонии, Солуни и из окрестных Склавиний.

В дальнейшем полиэтничный характер движения Фомы более конкретизировался, обрстал важными подробностями. А славянские государства после движения Фомы стали более сильными и устойчивыми.

Уже упомянутый Иосиф Генесий – выходец из византийской знати - более чем через век после событий имел возможность суммировать самые разные свидетельства о Фоме Славянине. И здесь причиной движения объявляется приход к власти Михаила II, близкого иудейской среде <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Genesij/text.phtml?id=321>. В «Книгах царств» Генесия сказано:

«Когда Фома узнал, что Михаил стал императором, он, говорят, быстро набрал множество людей с целью поднятия мятежа против него. Ибо уже с начала они расходились друг с другом кардинальным образом. Михаил, являвшийся стратигом всего восточного войска, был не хуже [Фомы], но имел недостатком то, что был по происхождению из области, вскормившей многих афинганов (**близки павликианам.**), как кажется, а также и потому, что был косноязычен и считался недостаточно храбрым.

Фома же был любим всеми вследствие того, что не уступал ни в мужестве, ни в учтивости и обходительности, ни в лучших качествах Льву (**очевидно Льву V**), хотя и был по происхождению из скифского рода, был уже старцем и имел искаленную ногу. И он захватил сборщиков, взыскивающих государственные налоги, предписав отобрать у них все денежные сборы, чтобы разделить их среди народа и собрать боеспособную армию против Михаила.

И никто не оставался не вовлеченным ни с востока, ни с запада, ни из чужеземных племен, ни из местных, ни из соседних, ни из тех, кто имел рабский удел и ненавидел господ (**Здесь и рабы (δουλοῖ) против господ, и стратиот против таксиота (военачальника), и лохэг против стратига поднимали вооруженную руку (Прод. Феофана, ed. Vonn, p. 53)**), ни из целых народностей, которые в разное время вливались и следовали за ним, как за новым Ксерксом, явившимся среди единоверцев, одни по земле, другие по морю.

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111111.htm>

Так что затем и все фемы вместе со стратигами решили присоединиться к нему. Только Ольвиан, стратиг Армениаков, руководивший этими войсками, послушными его осмотрительности, и Катакила [стратиг] Опсикия остались преданными Михаилу (по Михаилу Армениак контролировали сторонники Фомы). И настолько увеличилась масса шедших против своих соплеменников, что сарацины осмелились безнаказанно грабить все острова и земли и захватили бы их полностью, если бы затем Фома их не забрал обратно, благодаря своей большой славе, без сопротивления. Потому что он сделал попытку войти с сарацинами в сношения таким образом, что он их сумел так хитро обойти; они удовлетворились, пораженные его огромной силой. И он послал к ним с предложением мира или, лучше, союза, если они будут стоять за повстанцев против императора.

И так он заключил союз с агарянами, с ведома их начальника, и был венчан на царство антиохийским патриархом Иовом, затем с индами, египтянами, ассириянами, мидянами, абасгами, зэхами, иберами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, гетами и теми, кто разделял позорное заблуждение Ману, лазами и аланами, халдами и армянами и другими всякими народами, хорошо известными, образовал всеобщую армию и стал господином всего Востока. Наконец приблизился к областям Фракии (Из письма Михаила к Людовику Немецкому известно, что среди фракийского населения, присоединившегося к Фоме, тоже были славяне) намереваясь захватить путем осады Византию, имея хорошо вооруженных всадников и пеших камнеметов, так же как и пращников и легковооруженных пехотинцев [букв.: щитников] неизмеримой силы, да еще и осадные машины и немалое число других технических средств. И еще, так как многократные безуспешные атаки его против стен со стороны материка были отбиты, так как против них устремился сын императора Феофил (829—842 гг.; отец Михаила Ш, от начала правления

которого русские летописи начинают историю «Русской земли») и сильно разбил их, но затем подошел и сам отец его Михаил и напал на противников.

Поэтому Фома, неспособный справиться здесь, вступил в морской бой, выдвинув большое скопление небольших судов, но и здесь в равной степени потерпел неудачу. Они были уничтожены военным огнем. Преподанное почти потерянное знание его [имеется в виду «греческий огонь»] было тогда вновь обретено. Некий Каллиник из Египта, муж ученый и один только опытный в этом деле, со смелостью сказал императору, чтобы он послал его против Фомы в море, если он желает. И Каллиник составил искусно огонь и снабдил им навархов.

В течение трех лет этот несчастный [т. е. Фома] продолжал мятеж. Его смута была предугадана знаменем уже в царствование Льва. Видна была комета на небе в виде двух лун, ясно соединенных, а затем распавшихся на различные составные части, из которых образовалась форма какого-то безголового человека, указывающая либо на появившееся затем учение восставших против христиан еретиков — акефалов [безголовых], либо на нечестивого Фому, который был главой и вождем междоусобицы, как было сказано раньше.

Мужественно держались при этом Ольвиан и Христофор, который тоже был произведен в магистры (сыновьями его были Варсакий и Назар патрикий), и Катакила — племянник самого императора Михаила и патрикий, о которых говорилось раньше и благодаря которым яд рассеялся.

Скажу о том, что точно повествуется о Фоме. Этот смутьян, происходивший из достойного сожаления и незаметного рода, ради добывания необходимых для жизни средств прибыл в царственный град Константинополь и, прилепившись к одному патрикию (это был Варданий, о котором мы говорили), был тем обвинен в преступлении в прелюбодеянии против мужа. Вардания побуждал к этому Никифор, бывший тогда императором, завидовавший Варданию из-за присущей тому нравственной добродетели.

Убегая же от наказания за прелюбодеяние после попытки его совершения (но которое на деле не произошло), Фома бежал в Сирию. Прежде всего, он отрекся от христианской веры, провел там продолжительное время, почти двадцать пять лет, и снискал себе ложную славу, выдавая себя за Константина — сына Льва и Ирины. Тот же вследствие дурного нрава был лишен и зрения и царства и вскоре после этого несчастья исчез и из числа живых. Его тело было погребено в гробу в одном из храмов столицы. Но этот вот негодный человек [Фома], когда он жил среди сарацинов, обещал им поразить их блеском, сделав государство ромеев их данником. И усыновил, ради величия предприятия, сына какого-то человека, полу-варвара, отличавшегося душевным ничтожеством и неразумием, а также и несчастным телесным уродством и тому подобным. И приказал называть его Констанцием и вместе с ним и сарацинским войском устремился напасть на ромейскую страну.

Лев был в то время ее императором; Варда же был сыном патрикия, но происходившего из армянского рода. Так как он не уделял достаточно внимания бедствиям ромеев, он наспех собрал многочисленное войско и послал его против Фомы под начальством скорее рядового воина, чем настоящего военачальника. И когда оба войска встретились друг с другом в какой-то из восточных местностей, императорское войско потерпело поражение и обратилось в бегство; и отступник взял на себя смелость овладеть всеми областями, расположенными на востоке, и насильно добился того, чтобы их считать своими.

По прошествии некоторого времени Михаил убил Льва и вступил на царство. Глава же восстания Фома, не удовлетворившись завладением почти всей землей, уже присвоил и весь ромейский флот, кроме так называемого императорского, и снаряженные корабли, одни — транспортирующие хлеб, другие — кожи и военное снаряжение, и приказал им ожидать его у Лесбоса. Сам же с массой войска захватил пролив между Сестом и Абидосом.

Оставив в тылу у себя Псевдо-Констанция, своего названного сына, вместе с большими силами, им прежде захваченными, он приказал остальным двинуться вперед. Тот же, спросив совета у божества и прорицателей, предсказал своим собутыльникам время и день, когда-де он войдет в столицу с какой-то неопикуемой славой. И в этот установленный уже день его войско подверглось нападению Ольвиана, проведенному так стремительно, что он не мог убежать и был сразу же пойман. Благородный Ольвиан отсек ему голову и послал ее императору Михаилу. Самого же его отправил повстанцу и самозванному его отцу. Но последний не оставил своего безумия и вместе с тайно подошедшим от Лесбоса флотом сам воспользовался судами, транспортировавшими лошадей.

В безлунную ночь он перебрался по приморской местности, которая жителями именуется Оркосион, тайно проник во многие места Фракии и сумел всю Фракию сделать себе послушной. Когда же весть о том, что повстанец перешел с флотом через морской пролив у Абидоса, дошла до императора, тот выступил против него с незначительным войском, считая, что имеются верные и союзные императору люди во всех городах Фракии. Тем не менее последние его ни во что ни ставили, и когда сила тирана окрепла, они перебежали к нему. Император тотчас же возвратился в город и сделал то, что требовалось для его укрепления, собрав пешую и морскую армию с востока, который уже через короткое время после удаления повстанца отошел от него. Император ввел греческий огонь на корабли и соорудил железные цепи, протянутые от акрополя до расположенного на другой стороне укрепления, чтобы часть города, именуемая "Рогом", не пострадала от флота противника.

Григорий же ([Подробнее о нем и его втором имени "Птерот" сообщает Продолжатель Феофана](#)), некогда исправлявший должность стратига, впавший в немилость у императора и сосланный по этой причине на Скирос [один из Кикладских островов], был взят повстанцем или, вернее, присоединился к нему и был рукоположен Фомой полководцем над 10-тысячным войском. Он был выслан вперед против столицы в качестве авангарда, вместе с ним и морская флотилия, с тем чтобы они соединились друг с другом и в одно и то же время подошли к Константинополю.

Когда это было быстро выполнено, те и другие сошлись, и с суши и с моря у устья реки Барбиз, так что железные цепи оказались не в состоянии удержать атаку флота противника. И вскоре после того Фома и сам с 80-тысячным войском выступил к городу. После первого усыновленного им сына он назвал сыном и другого, по имени Анастасия, который был некогда монахом, но оставил монашеский сан в погоне за мирской суетой. Он был безобразен с виду, как полагают, от пристрастия к вину и был по происхождению индус, но еще более негоден душой вследствие крайнего безумия. С ним и со всем войском Фома бросился к городу, полагая, что ворота города окажутся для него раскрытыми. Но когда он обманулся в своих ожиданиях, так как горожане гордо отвергли его, он раскинул шатры у благословенного храма Анаргира, имея среди своих подданных всех живущих вокруг Фракийского Босфора.

Затем он стал наносить соединенные удары по городу непрерывной стрельбой и камнями из камнеметных машин, очень надеясь взять его у Влахерн. Тогда император Михаил взшел на кровлю храма богородицы, водрузил там военное знамя и приказал и сыну своему Феофилу взять животворное древо креста и благословенную ризу богоматери и пройти с литанией вокруг стен Византии вместе со священным клиром и другими горожанами, моля о ниспослании божьей помощи. Ибо отступник выстроил в боевом порядке всевозможного рода воинство и машины. Но сверху люди императора отражали противников надлежащими механическими приспособлениями, так что они должны были бежать под сокрытие собственных шатров. Но и морское войско мятежников с применяемым даже и греческим огнем, плывшее вокруг города с бесчисленными выстрелами и с четырехногими так называемыми осадными машинами, было отброшено порывами противного ветра, так как это было зимнею порой.

Когда солнце уже клонилось к закату, пешее и морское войско напало на город в той части, которая именуется по своей форме “Рогом”. Из снаряженных четырехногих осадных машин воины метали с кораблей камни с расчетом разрушить стены. Император же со стены обратился к противникам со словами, обещая разрешить амнистию тем из них, которые отойдут от них и раскаются.

Но он не убедил их. После того как он вооружил войско, он внезапно вышел из города и разбил наголову встретившихся ему противников. Воины с кораблей, приставших было к земле и закрепленных, должны были бежать к сражавшимся на материке и отказаться от войны на море. Многие из врагов добровольно перешли на сторону императора. Среди них и Григорий (Согласно Прод. Феофана, его жена и дети находились во власти Михаила. Это сыграло роль в его измене), увлекая с собой небольшую часть войска, выбрав ночью благоприятное время, бежал во Фракию, оказавшись в тылу у тирана. Но как только мятежник узнал об этом, он вступил с Григорием в бой, захватив его, убил и снова пошел к городу, снова начав осаду. Он приказал, с целью надувательства, доставить в Элладу и на все острова ложные грамоты о том, что он одержал победу на земле и на море и что он сражается с императором. И в результате суда, груженные хлебом и военным снаряжением, одновременно отплыли оттуда, устремляясь к Виридскому (Из другого источника (Иоанн Антиохийский) устанавливают, что эта местность находилась на побережье между Гебдомоном (Макрикей) и Золотыми воротами. Порт Гебдомон находился на востоке от дворца) берегу, не меньшие числом, чем предшествующие, ибо их число увеличилось до трехсот пятидесяти. Он, конечно, желал с южной и северной части напасть на город с кораблями. Император же успел послать огненосный флот, который флотилию противника в этой названной местности частью полностью сжег, частью же разогнал; многие же из кораблей захватил вместе с командой и привел к императору.

Когда же болгарский хан Мортагон (Омортаг) услышал, что подобное же произошло со столицей, он послал послов к императору, предлагая заключить с ним союз (Согласно Георгию Монаху, инициатива принадлежала Михаилу). Ибо уже скоро заканчивалось первое десятилетие 30-летнего договора, заключенного при императоре Льве. Но великий император, хотя и принял весть от них с должной любезностью, извинился, указывая, что заключившим договор в подобное время следует удерживаться от пролития крови христиан и что не стоит во время гражданской войны разрывать хорошо продуманное, и с дружелюбием и любезностью их отправил достойным образом домой.

Они, нисколько не обращая внимания на слова императора, вступили в войну против тирана [Фомы] и устремились в Ромейскую страну, став затем лагерем в равнине, так называемой Кедукта (Равнина Кэдукта (ср. Niceph. Bryenn., ed. Bonn, 1836, 135); Анна Комнина, I, 18—19) около форта Kalavri, между Гераклеей и Силиврией). Когда же мятежник узнал о нападении на него болгар, он ничего не сообщил оставшемуся у него флоту. Почему тот целиком и перешел к императору. Все же пешее войско было уведено от осажденного города в названную местность, где потерпело сильное поражение от болгар. И многие из его людей были или убиты или сожжены, другие же, которые смогли, разбежались куда кто. Болгары же, унесшие с собой большую добычу, возвратились обратно к себе.

Но, однако, и при таком дурном обороте дела тиран не прекратил безумия, но собрал разбежавшихся в так называемом Диабазисе (На запад от Константинополя), местности, которая была хорошо приспособлена для разбивки лагеря, так как богата конскими пастбищами и другими благами, нужными для людей. Здесь они разбили палатки, уповая на болотистую местность; отсюда же, как из акрополя, тиран делал грабительские набеги, сжигая соседние деревни. Когда император Михаил узнал, что он собрался с силами, то наскоро снарядил небольшое войско и направился в оную местность

в полном и хорошем боевом порядке, воодушевляя своих людей словами и другими обещаниями.

Тиран же с большим количеством людей вышел навстречу императору и притворно обратился в бегство, чтобы разрушить строй императорской армии. Но он ошибся в своих расчетах, ему не удалось расстроить построения императорского войска, и он даже оказался не в состоянии присоединиться к своим. Будучи не в силах перенести и стремительного натиска противника, он с возможной быстротой должен был бежать в Аркадиополь, чтобы спастись с некоторыми из своих. Император же призвал к себе многих из повстанцев, согласившихся [отступить от Фомы], прошел к этому городу, куда укрылся тиран, и окружил его мощным палисадом.

Мятежник, имея внутри города недостаточно всадников, чтобы производить вылазки против врагов, часто беспорядочно высылал их против него. Но эти несчастные при этом больше страдали, чем добивались успеха.

Император же не подводил к городу осадных машин, опасаясь, как бы не убить кого-либо из прочих единоверцев и чтобы не показать скифам, как можно брать с помощью машин ромейские города; он знал, что голод и осада победят тирана.

И в самом деле. По прошествии длительного времени тиран стал испытывать нужду в необходимых для жизни средствах и поэтому освободил город от всех лиц, бесполезных по возрасту и полу. Затем он стал уговаривать пробовать есть туши погибших от голода лошадей, испускавшие зловоние; а затем дошло до того, что стали есть шкуры и другие кожи. И, наконец, одни стали потихоньку пробираться через ворота, другие — через стены, привязываясь веревками, третьи сбрасывались на землю, разбиваясь, и обещали соблюдать верность императору.

Были и такие, которым удалось получить прощение и приют у Анастасия, самозванного сына тирана, к которому они добрались и который оставался в городе Визе, рассчитывая с их помощью вести войну с императором, чтобы предоставить мятежнику путем сражения возможность более легкого бегства.

Но когда император подошел к находившимся в городе с речью, клятвенно обещая предать забвению прегрешения против него, они восстали против тирании и, схватив тирана, отвели его к императору. Император с радостью поправил его шею ногами и приказал отнять у него обе руки, ноги и сверх того посадить его на кол. Несчастный, терпя мучения, воззвал громко: “Смилосердствуйся надо мной, о истинный император”. Когда же он был спрошен императором — есть ли у него тайные единомышленники, разделяющие его безумие, он быстро указал ложно на многих из друзей императора. Но Иоанн — муж, носящий имя Эксабуллия, из патрикиев, возразил на слова тирана, сказав императору, что не следует о друзьях верить врагам. И вот тиран так несчастно закончил жизнь уже в середине октября месяца. Сразу же и те, которые были в Визе, после того как они узнали о гибели мятежника, связали руки и ноги Анастасию и привели его к императору; Анастасий был присужден к той же каре, что и его самозванный отец.

Некоторые из сторонников тирании удерживали город по имени Панион (**Panizo на северном берегу Мраморного моря**) и, только лишь эти казни произошли, они решили вступить в войну с императором. Император Михаил обращался к ним со словами мира, но никак не мог убедить их сложить оружие. И вот произошел божественный знак им, и сильным землетрясением стена была разрушена и дала императорским людям доступ в город. Так как у наблюдателей землетрясений это есть знак поражения, то так это и произошло. Но и Гераклея (**Eski Eregli**), прежде называвшаяся Перинфом, сильно зараженная болезнью тирании, воспротивилась принятию императорских предложений.

Вследствие этого и она испытала через часть стены, обращенную к морю, нападение императорских войск и была захвачена и освобождена от мятежной заразы без пролития крови раз навсегда. Тогда же император, взяв все себе в подчинение, возвратился в столицу и, устроив конские ристания, никаких жестокостей не причинил по отношению к мятежникам, заставив их только пройти посреди ипподрома со связанными

за спиной руками и некоторых из них сразу же отправил в изгнание. И так отпраздновал победу».

(пер. Е. Э. Липшиц) Текст воспроизведен по изданию: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М. Академия Наук СССР. 1951

По этому тексту Фома заключил союз с агарянами (арабами), с ведома их властителя был венчан на царство антиохийским патриархом Иовом (недалеко от Антиохии на берегу моря был и город Россос, Росополис с Росской епархией; упоминался еще Плутархом; ныне городок Турции имеет иное название). И затем с индами, египтянами, ассирийцами, мидянами, абасгами, зэхами, иберами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, гетами и теми, кто разделял позорное заблуждение Ману, лазами и аланами, халдами и армянами и другими всякими народами, хорошо известными, образовал всеобщую армию и стал господином всего Востока. Но здесь явно участниками являются славяне Востока, лазы, аланы, гунны и «другие всякие народы», неизбежно связанные и с землями севернее Кавказа. Все это воинство напоминает воинство библейского князя Роша (Роса).

<http://www.rustrana.ru/articles/491/rus9.gif>

Надо сказать, что устремления к местам активности Фомы Славянина в 9 – 10 вв. со стороны полиэтничных войск Руси были явно устойчивыми. В какой-то степени они отражали и политику Славиний в духе Акамира, Папаца и Валгица (помогавшими Юстиниану II бежать из Приазовья в начале 8 века), «северных архонств» (вместе с Великой Болгарией), стремившихся противостоять излишнему влиянию Византии в раннесредневековом Северном Причерноморье. Любопытно, но войска князя Святослава устремлялись как в сторону Персии (откуда и начинал движение Фома Славянин), так выходили и к Аркадиополю (месту последних сражений Фомы).

http://img1.nnm.ru/imagez/gallery/7/3/8/9/3/73893ea07489cb4b68432a65e99bb797_full.jpg

Полиэтническим византийцам была чужда этническая антипатия: свое превосходство над окружающими "варварами" они усматривали лишь в культурно-государственной сфере, которая неизбежно отчасти изменялась и под влиянием «варварского окружения». Святослав и его дружина предстают в византийской литературе как тавроскифы. Имя "тавроскифы" встречается у Птолема (III, 5, 11), помещающего народ в низовьях Днепра. Там помещают их (называемых иногда скифотаврами) эпитоматор Страбона и Юлий Капитолин. По многим авторам этот народ жил в Крыму: Плиний Старший, Страбон, Арриан, Юлий Солин, Псевдо-Арриан, Синесий, Зиновий, Амвросий, Евстафий Солунский, Иоанн Цец и др. Наименование "тавроскифы" фигурирует и в надписях, например, в титуле боспорских царей. Тавроскифы представлялись реальным народом еще Прокопию (Постр. III, 7, 10), но в "Житии Иоанна Готского" (IX в.) и "Житии херсонских мучеников" (X в.) упоминание этого народа - уже явная архаизация в духе позднеантичной традиции (Сололюкк. 1962).

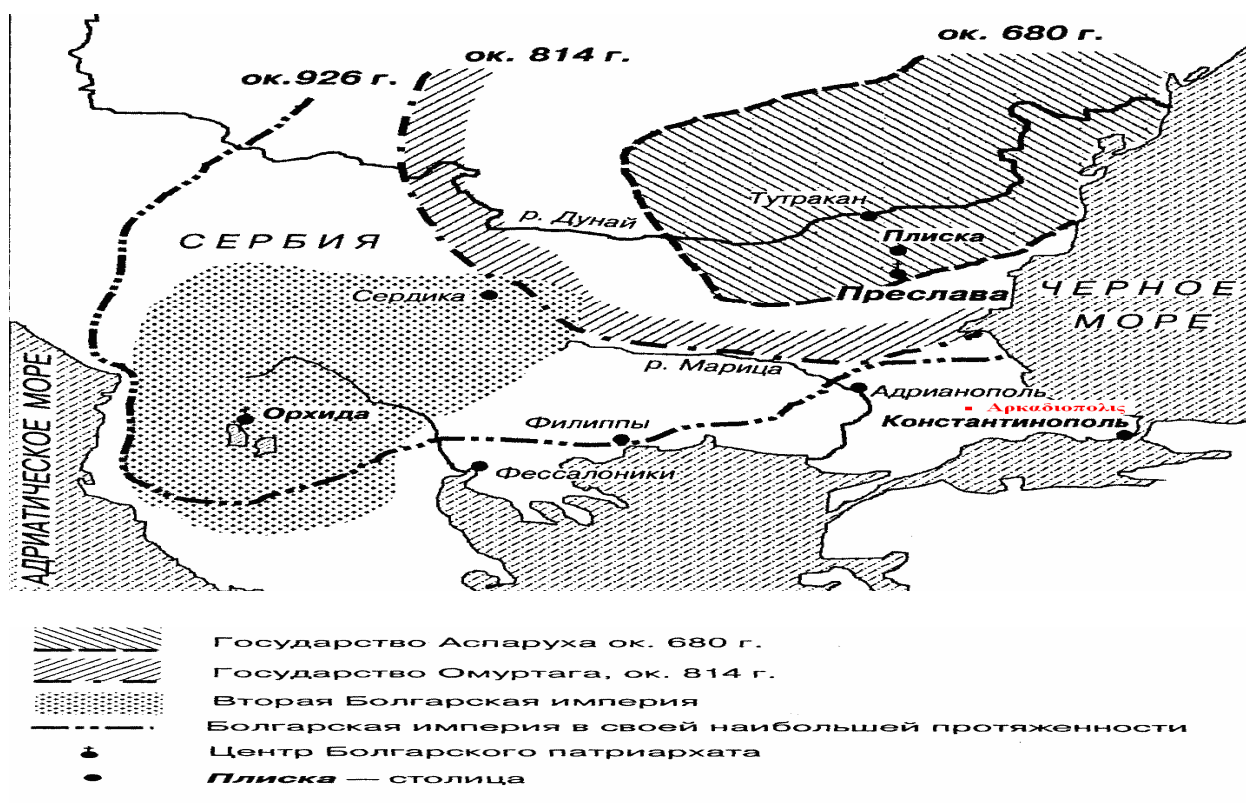
Лев Диакон в 10 веке одним из первых использовал данное этническое наименование применительно к русским. Возможно, его выбор определяло то, что они приблизились к византийским владениям с севера. По Талису (1974, 90-99) здесь могло отразиться и воспоминание о том, что в Крыму действительно жили русские (в частности,

Бравлин-Буревои). Лев Диакон в "Истории" русских назвал скифами - 63 раза, росами - 24, тавроскифами - 21 и таврами - 9 раз. Но Скилица, использовавший общий с Львом источник, говорил лишь о скифах и росах. Таким образом, "тавроскифы" - нововведение Льва Диакона (Карышковский. 1960, 43-44), после которого этот этникон прочно утвердился за русскими: им пользовались и Пселл, и Атталиат, и Анна Комнина, и Никита Хониат, и др. http://hronos.km.ru/dokum/0900dok/ldk1_5.html

Напомним, что Фома Славянин, по Генесию, тоже скифского рода.

Болгары как полиэтнос тюрков и славян неоднократно проявляли и свою славянскую сущность. Так в 811 году болгары Крума (созвучие Крыму) с союзными славянами (ближайшими соратниками Крума были Драгомир, Славна, Коловр) разгромили византийского императора Никифора I. Из черепа поверженного сделали чашу для пиров (подобную в 972 г. из черепа Святослава заказал князь печенегов Куря). Стабильные отношения нередко пронзались вероломством, интересы устойчивой дружбы взрывала сиюминутная корысть.

Войска Фомы Славянина для властителей Болгарии тоже составляли угрозу. После побед Крума властитель болгар Омортаг (Мортагон) взял курс на усиление влияния его государства на округу. И ему не нужны были соперники в лице славян, которые искали контактов и с франками. Например, в 818 г. к Людовику Благочестивому явились послы хорутанского князя Борны и паннонийского князя Людевита, принесшего жалобу на маркграфа фриульского Кадолая. В 819 г. войска Людевита нанесли поражение маркграфу Кадолаю. Тот в 820 г. снарядил большое войско из баварцев, алеманнов и саксов против Людевита и опустошил его страну. Но при натиске на Византию Фомы Славянина движение Людевита вновь оживилось. И в 822 г. был предпринят новый поход против Людевита, окончившийся счастливо для франков. Людевит был разбит, изгнан из своего княжества и в 823 году убит в Далмации. В этом году в основном было разгромлено и движение Фомы Славянина.

<http://www.hrono.ru/img/karty/blg.gif>

По Чаталарской надписи в Болгарии известно, что Омортаг построил новую столицу на р. Камчии, получившую впоследствии имя Преславы (821— 822). В надписи упоминалось об украшении новой столицы четырьмя колоннами и поставленными на них медными львами. Новая столица позволяла следить за горными проходами, но власти Болгарии не забывали и Плиску (Абебе). Уже в начале 10 века там был построен обширный христианский храм, превосходящий все существующие в Болгарии церковные сооружения. <http://www.worldstory.ru/bulgary/02.html> К сожалению, Омортаг увидел в Фоме Славяnine сильного политического соперника. <http://www.pravenc.ru/text/76066.html> И по сути, способствовал его окончательному поражению.

<http://www.best-turkey.ru/maps/bigmap/region1.gif> Люлебургас - бывший Аркадиеполь. Эдирне – Адрианополь. Ряд источников опубликован.

<http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/317/news.php/24394>

<http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/317/news.php>

[ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ. ТОМ I](http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/317/news.php) - С. Л. СКАЗКИН, <http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/317/news.php>
Мы выслушали мнение о Фоме самого императора Михаила и Генесия. Теперь обратимся к подробностям, которые сообщает неизвестный византийский автор, условно определяемый как Продолжатель Феофана.

«1. Как об этом рассказывалось в предыдущем разделе, люди Михаила убили Льва, а его труп без всякого сожаления и жалости через Скилу вытащили на ипподром ¹ и сделали это без тени страха, поскольку дворец кишел заговорщиками и злоумышленниками. Вослед вывели они его супругу и четырех их сыновей: Симватия, после коронации переименованного в Константина, ² Василия, Григория и Феодосия, посадили их на корабль и отправили на остров Прот. Юношей подвергли там оскотлению, причем Феодосию это стоило жизни (его похоронили в одной могиле с отцом).

2. Михаила освободили из-под стражи папия и, не сняв с ног кандалы (не могли найти ключей, которые для безопасности Лев хранил при себе), усадили на царский трон, и все находившиеся во дворце преклонили колена и провозгласили его самодержцем. В середине дня, когда молва о случившемся уже распространилась повсюду и едва удалось разбить молотом кандалы, царь, не омыв рук, не обретя в душе страха божия и вообще не успев сделать ничего необходимого, отправился в великий храм божий, ³ дабы получить венец от руки патриарха и сподобиться всенародного провозглашения; опорой же и защитой были у него лишь те, кто злоумышлял вместе с ним и участвовал в убийстве. Да

и кто стал бы удивляться зломыслию их обоих: Льва ли, у которого не нашлось ни одного помощника из бывших льстецов и хвалителей (как змеи попрятались они по своим норам), Михаила ли с его бесстрашием и кровожадностью, который не как палач (а случилось это по воле всем повелевающего провидения), а будто увенчанный победой атлет, шествовал по улицам, хотя надо бы сидеть тихо и скорбеть, не из-за того что он по справедливости пролил достойную того кровь (в этом тоже нет ничего похвального), а потому, что недостойно сделал это в месте божественном и чистом, где ежедневно льется кровь господня-искупление грехов наших. [23]

3. Но пусть обратится история к его родине и, повествуя о делах его, расскажет и о нем самом. На свет его произвел город нижней Фригии по названию Аморий, в котором издавна проживало множество иудеев⁴ и неких афинган.⁵ Из-за постоянного общения и тесного с ними соседства возросла там ересь нового вида и нового учения, к которой, наставленный в ней с детства, был причастен и он. Эта ересь позволяла, совершая обряд, приобщаться спасительной божьей купели, которую они признавали, остальное же блюла по Моисееву закону, кроме обрезания. Каждый, в нее посвященный, получал в свой дом учителем и как бы наставником еврея или еврейку,⁶ которому поверял не только душевные, но и домашние заботы и отдавал в управление свое хозяйство. Приверженный к ней с детства и преданный душой, не сохранил он в чистоте и этих убеждений, но-вот уж смешение всяческого безверия!-вскоре и ее исказил, при этом и христианское учение извратил, и иудейское замарал. Этого учения он придерживался и, войдя в зрелый возраст, будто виноградная лоза от усов, не мог избавиться от невежества и грубости. Возвращенный в них и воспитанный, изучал он и соответствующие науки, которыми, достигнув царской власти, гордился и тщеславился, видимо, более нежели короной. Что же до словесных наук, то он их презирал и ловко отводил от своей души, ибо они опровергали его доводы, могли переубедить и отвратить от еретической веры. Умудрялся он и свою веру почитать и нашу не отвергать, ибо не мог состязаться с таким сонмом блистательных мудрецов, и возрастом и числом превосходящих.

4. И тем не менее чтил он свое. А было это предсказывать, какие из новорожденных поросят вырастут упитанными и размерами не будут обижены, или наоборот, стоять рядом с лежащим конем, ловко погонять лежащихся ослов, наилучшим образом судить о мулах, какие из них пригодны под грузы, а какие хороши для седоков и не пугливы. А кроме того, с одного взгляда определять коней, какие из них сильны и быстры в беге, а какие выносливы в бою. Определять также плодовитость овец и коров, какие из них от природы обильны молоком, и более того, различать, какой детеныш от какой матки родился, если даже животные с детенышами не издают ни звука. Вот что он знал и чем гордился в первые (а можно сказать и последние) свои годы.

5. Михаил терпел и переживал нищету, а когда возмужал, всеми способами попытался от нее отделаться, и вот явился он как-то к своему стратигу, чтобы себя показать и шепелявым языком привлечь внимание. В это время один афинган (знакомый и доверенный стратига) объявил, что Михаил вместе с еще одним человеком вскоре прославятся и даже сподобятся царской власти. Такие речи разгорячили душу стратига, он уже как бы пожинал будущие плоды и решил из-за собственной медлительности не упускать случая, вернуть который нелегко и непросто. И вот уже и стол накрыт, и стратиг, махнув рукой на всех прочих, зовет на пир этих мужей. В разгар попойки стратиг вывел к ним своих дочерей и объявил их женихами и невестами.⁷ Изумленные столь неожиданным оборотом дела, они сначала лишились от удивления дара речи, а потом согласились и решили единодушно, что стратиг скорее Богу подобен, нежели человеку. [24]

6. Не хочу один спорить со многими и не стану отрицать, что искусство прорицаний включает в себя многие вещи: полет птиц, сновидения, лицезрение рассеченных тел всевозможных животных. Однако ни я, ни, как полагаю, никто из благомысленных людей не станет также и утверждать, что это искусство чисто и

обходится без помощи демонов, силящихся оторвать человека от Бога, ведь мы слышали, что хорошим его знанием отличаются люди образа жизни не непорочного и чистого, а скорее низменного и жалкого.⁸ Но зачем задаюсь я сейчас таким вопросом? А затем, чтобы не решил кто-нибудь, будто люди, этим занимающиеся, вещают по божьему вдохновению, и не приписал Богу ответственность за их зломыслие или-что то же самое-за их власть, и не подумал, что благомысленны те, кто этим людям доверяется (ежедневно множество их терпит неудачу и сами становятся причиной собственной гибели). Пусть лучше обвинит он первопричину зла-змею, ту, что, обходя вселенную и найдя подходящие органы, бросает семена вожделения к царской власти не в одного или двух, а во многих, подзадоривает и подстрекает их к покушению, убеждает их возмущать народы и учинять гражданские распри по образу и подобию того слепца, что непрерывно мечет камни: бросив много камней, он, и не видя, рано или поздно попадет в того, кого хочет.⁹ Я уклоняюсь сейчас от темы повествования, чтобы никто не возвел к божеству ни эти события, ни царствования еще более мерзкие, и при этом опираюсь на известное изречение, гласящее: "Поставляли царей сами, без меня".¹⁰

7. Словно божий глас выслушал он слова афинганского прорицателя, а потом точно так же, как я уже рассказывал, филомилийского; с тем большей наглостью совершил он убийство Льва, а после того, как исполнил свой замысел, быстрее должного вошел в божий храм. Он дурно поступил с первым своим благодетелем-тем самым Варданом, но еще хуже со вторым-Львом, сына которого воспринял из божьей купели. Впрочем, из отобранного добра он выделил долю, которую отдал в пользование детям, матери и супруге Льва, подарил им для услужения и некоторых из юных своих прислужников, хотя и не всех. Матери и супруге распорядился проживать в безопасности и с сохранением всех прав в так называемом Господском монастыре,¹¹ а сыновьям, как рассказывают,-на острове Прот, там, где Константин, переименованный в Василия,¹² потерявший дар речи после того, как отсекали ему детородный член, молил Бога разрешить его от немоты и вернуть сладкозвучный голос, молил он и Григория,¹³ воссиявшего в богословии, образ которого был там водружен. Снизшел святой и на праздник крещения услышал его молитву. И вот слышит он, как говорит ему поутру сей божественный образ такие слова: "Возьми табличку и читай". И уверовав, подошел он и прочел чистым и звонким голосом: "Вновь мой Иисус". С тех пор не покидало его отвращение к этому наследованному от отцов безумию и вражде к иконам и, не переставая, прижимал он к сердцу изображения святых. Но случилось это позже, спустя много времени.

8. Уже когда взял Михаил в свои руки самодержавную власть и распорядился ею по воле своей, направил ему письмо блаженный Никифор, прося возродить веру и восстановить почитание божественных икон. И ответил [25] ему Михаил: "Не вводить новшества в догматы веры пришел я и не разрушать и уничтожать завещанное и установленное. Пусть каждый поступает по своей воле и желанию и да не познает горя и не вкусит страдания".¹⁴ Но не соблюл своего решения до конца тот, кто и с самого начала не был истинным христианином. Чем дольше владел он царской властью, тем с большей жестокостью и природной злобой раздувал Михаил пламя войны против христиан и соплеменников и то в презрении к монахам подвергал их всевозможным ужасам и все время выискивал для них новые наказания, то заключал в тюрьмы и отправлял в ссылку прочих преданных вере. Потому-то и изгнал он из города Мефодия, вскоре потом занявшего патриарший престол, а также Евфимия-в то время сардского митрополита, так как оба отказались подчиняться его воле и не отрешились от почитания икон. Божественного Мефодия¹⁵ он заключил в тюрьму на острове апостола Андрея (вблизи Акрита¹⁶), а блаженного Евфимия,¹⁷ которого засекли бичами, предал смерти руками своего сына Феофила. Христову паству он притеснял и истреблял, словно зверь дикий, а вот иудеев освобождал от налогов и податей, и потому любили они его и почитали больше всех на свете. Живописцы воспроизводят прекраснейших из живых существ, а этот за прообраз и образец взял для себя жизнь Копронима,¹⁸ которой и старался изо всех сил

подражать. Он дошел до вершин нечестия: приказал поститься в субботу и отточил свой язык против божьих пророков, не верил в грядущее воскресенье и блага, от него истекающие. Он утверждал, что не существует дьявола, ибо о нем ничего не говорится у Моисея,¹⁹ одобрял блуд, постановил во всех случаях клясться одним только Богом, бесстыжим своим языком причислял Иуду к спасшимся, говорил с издевкой, будто праздник спасительной пасхи читается дурно и не вовремя, эллинскую же науку презирал, а нашей и божественной пренебрегал так, что даже запрещал наставлять в ней юношей.²⁰ Не хотел он, чтобы кто-нибудь с быстрым взором и искусной речью противостоял его невежеству, посрамил его и своей ученостью взял над ним верх. Ведь Михаил настолько был слаб в складывании письменных знаков и чтении слогов, что скорее можно было прочесть целую книгу, чем он своим медлительным умом разберет буквы собственного имени. Однако хватит об этом: божественные люди достаточно осмеяли его в свое время, и немало есть книг, выставяющих на позор его деяния. А мы продолжим нашу историю и взглянем на результат его безбожных поступков.

9. В это время начавшаяся на востоке гражданская война наполнила вселенную всевозможными бедами²¹ и из многих людей оставила в живых только немногих: отцы вооружили свои десницы на сыновей, братья-на детей родного чрева, друзья, наконец,-на самых своих близких. А зачинщиком всего этого был Фома, о котором рассказывают поразному. Я всего лишь человек и из-за утекшего времени сообщаю о событиях не как очевидец, а понаслышке, и потому надо мне, чтобы во всем сохранить истину, передать рассказы, трактующие о событиях не только так, но и иначе, ведь сомнения и отклонения никак не вредят моему повествованию, которое лишь станет надежней от постоянного сопоставления: случилось что-нибудь так или по-другому. Было бы прекрасно, если бы истина [26] как бы не являлась нам обнаженной и без завесы, а мы, люди, обладали всезнанием. Но поскольку быстротекущее время, словно накинута на глаза покров, ослабляет наше знание, следует довериться молве и слухам и хоть как-то вывести на свет события прошлого и не дать им погрузиться в реку забвения.²²

10. Согласно одному-первому-рассказу (которому верю и я, имея подтверждение в письменных сочинениях), Фома происходил от незнатных и бедных родителей, к тому же славян,²³ кои нередко разветвляются на востоке (**вот этих восточных славян, да еще влиятельных в Азии, наш медиевистский официоз очень не любит**). Живя в бедности и решив попытать счастья, он покинул родину и явился в нашу столицу. Тут он пристроился в слуги и помощники к одному синкдиту,²⁴ но поспешил по своей распушенности оскорбить и опозорить его супружеское ложе. Фома был уличен и, поскольку не мог вынести великого позора и полагающихся в таких случаях ударов, бежал к агарянам и сумел внушить им большое доверие своими многолетними делами (ему уже тогда было 25 лет), а также отречением от Христа и Бога нашего. Поставленный во главе войскового отряда, он ополчился против христиан и обещал могучей дланью подчинить Ромейское царство.²⁵ А чтобы никто из ромеев не встал ему поперек пути, но все пошли за ним и готовы были за него в огонь и в воду, объявил Фома и провозгласил, что он-де не кто иной, как Константин, сын Ирины, которого уже давно лишили царства и глаз собственное его безумие и свирепый нрав (тогда же он и расстался с жизнью).²⁶ Поскольку грандиозность замысла и питающие Фому надежды требовали сообщника (иначе- и он это понимал -не одержать было победы ни на море, ни на суше), он взял себе приемного сына, сама внешность которого свидетельствовала о безумии души. Фома дал ему большое войско, переименовал в Констанция²⁷ и приказал опустошать и разорять ромейскую землю с одной стороны, сам же напал на нее с другой. В то время последние свои годы держал бразды правления государством Лев Армянин, он сколотил не слишком значительное войско и сам привел его к поражению (оно обратилось в бегство при первой стычке), возбудив в Фоме дерзость и чрезмерное самомнение. Таково было начало этого движения и мятежа, согласно первому известному рассказу.

11. Согласно второму, это был тот самый Фома (в имени нет никакого различия), который издавна состоял при Вардане и был отличен воцарившимся Львом.²⁸ Исполняя должность начальника федератов и находясь в Анатолике, он услышал, что Михаил убил Льва, решил отомстить за убийство и вместе с тем утолить свой гнев (они издавна, с юных лет не ладили с Михаилом). Хотя он боялся исполнения касающегося его прорицания филомилийского монаха, тем не менее, двинул на Михаила войско, притом войско не малое и не слабое, а, напротив, мощное, мужественное и сильное, из людей разного возраста, хорошо владеющих оружием. Впрочем, Михаила все ненавидели и потому, что был он, как говорилось, причастен ереси афинган, и потому, что отличался робостью, и потому, что речь у него хромала, а более всего потому, что не менее речи хромала у него душа. Им тяготились и его презирали многие. Фома же, хоть и с увечным бедром и родом варвар, внушал уважение сединой и тем более вызывал любовь, поскольку столь ценимые воинами качества, как доступность и [27] ласковое обхождение, были свойственны ему еще с детства, а силой в роде бы он тоже никому не уступал. Он привлек на свою сторону сборщиков податей, щедрыми дарами постарался подчинить своей воле многих людей и стал из малого большим, из ничтожной доли-великим. Одних (в ком сидела страсть к переменам и обогащению) он привлек убеждением и дружбой, других (кто уже вкусил зла гражданских возмущений)-силой и принуждением. Потому и разразились гражданские битвы и, словно новые нильские водопады, напоили землю не водой, но кровью. И вот занес смертоносную руку раб над господином, воин над начальником, лохаг над полководцем, и, залитая кровью, застонала вся Азия. Целые города со всеми своими жителями, охваченные страхом, сдались Фоме, некоторые, однако, сопротивлялись, храня верность императору, но и они в конце концов покорились, понеся большие потери и убитыми и пленными. И вся Азия перешла к нему, кроме Катакила-стратига Опсикия²⁹ и Ольвиана-стратига Армениака. Среди такого количества полководцев только они двое сохранили верность Михаилу. В награду за то, что его не предали, царь сократил так называемый капникон-подать в царскую казну-на один милиарисий.³⁰ Издавна они, как и все, платили два милиарисия, а с тех пор в благодарность за верность один милиарисий был снят.

12. Агаряне узнали обо всем, и было им это в радость и в удовольствие. Пользуясь случаем, они без страха нападали на земли и острова, и нигде не встречали никакого сопротивления. Узнал об этом Фома и задумался, [28] покинули его и не возмутились его люди, если бросит он на произвол судьбы жителей родных и других восточных земель, позволит убивать и пленять их жен и детей, и потому решил своим появлением сдерживать натиск агарян, устрашить многочисленным войском и хитрыми уловками склонить к миру. Так все и случилось. Он повернул назад, напал на сарацин в их стране, показал свою силу, вступил с варварами в переговоры, заключил мир, вошел с ними в военный союз, посулив и пообещав то, о чем говорилось прежде: отдать им Ромейскую державу и подчинить ее их власти.³¹ В своих чаяниях он не промахнулся, сподобился венца и был провозглашен самодержцем Иаковом-в то время властителем антиохийского престола.³² Он собрал, а вернее, взял в подкрепление множество воинов: не только агарян, граничащих и соседствующих с нами, но и живущих подальше египтян, индов, персов, ассирийцев, армян, халдов, ивиров, зихов, кавиров и всех следующих учению и наставлению Мани.³³ Окружив и оборонив себя ими, Фома и счел нужным вместе с нравом сменить и имя, а также приобрести приемного сына (об этом уже говорилось).

13. И вот Фома двинул свое войско, истребляя весь Восток и всякого, не пожелавшего к нему присоединиться. Царю донесли об этом, но он решил, что разговоров больше, чем дела, и отправил против Фомы войско небольшое и небоеспособное, столкнувшись с которым тот одних, будто кружку воды жаждущий, изничтожил одним махом, других обратил в бегство и этим весьма укрепил свое положение. Он снарядил диеры,³⁴ дал им в сопровождение грузовые суда с продовольствием и лошадьми, потом овладел фемным флотом³⁵ и приказал всем морским силам собираться у Лесбоса. Возомнив себя уже непобедимым, Фома принялся опустошать всю Азию.³⁶ Командуя восьмьюдесятью тысячами послушных единому его слову воинов, он отправился к Авидосу, намереваясь там совершить переправу. На какие бы земли Фома ни нападал, все их-скудные и обильные-обращал он в прах и пыль.

И осталась лишь одна, избежавшая разорения цветущая область, на которую он велел напасть с войском своему приемному сыну. А тот, вдохновленный демонским чародейством, воспарив душой из-за прорицания, во всеуслышание разглагольствовал перед своими людьми, объявляя, что в такой-то день вступит в царственный город. Но попал этот несчастный в тяжкую беду. Полагая, что местность противником оставлена, он ехал на коне вне строя и попал в засаду Ольвиана, ему отрубили голову, которую послали царю Михаилу. А тот переправил голову отцу (тот между тем не замедлил движения и не отступил перед трудностями и тяготами пути). Получив голову, Фома улучил время, когда луна из-за схождения становится невидимой, и без промедления сразу в нескольких местах переправился из прибрежного селения Оркосия во Фракию. Еще до этой переправы не спокоен был Михаил и потому, объезжая Фракию, призвал ее жителей выступить против мятежника, не щадить крови, выполнить свой долг и не посрамить ни верности царю, ни собственной доблести и мужества. Но не слишком воинственным показался фракийцам вид Михаила и потому, когда царь вернулся в столицу, а перед ними самолично предстал Фома, все без слова возражения [29] перекинулись на его сторону и вместе с предводителем двинулись на царственный город.

14. Эта весть мгновенно дошла до царя, и он, видя опасность, грозившую царству, сколотил отряд из остатков воинов из Азии, а также собрал кое-какие силы стараниями Катакила и Ольвиана. Не пренебрег он и морским войском, и очень быстро приготовился встретить врагов и с моря и с суши. Положение было столь трудным и грозным, что царь протянул цепь от акрополя до селения на противоположном берегу, чтобы изнутри преградить путь врагу.³⁷ Жил тогда в изгнании на одном из Кикладских островов некий муж, неоднократно занимавший должность стратига, уже успевший вызвать к себе неприязнь в душе Михаила. Звали его Григорий Птерот, он приходился племянником Льву, а после его убийства был изгнан за то, что явился на поклон к Михаилу не с

замкнутыми устами, а с кипящим сердцем и любовью ко Льву, осыпал нового царя бранью и уличил в убийстве. И сказал ему тогда Михаил: "Вижу море твоего отчаяния и глубину горя", - и посоветовал терпеливо сносить несчастье. Однако уже па третий день он сослал Григория на один из Кикладских островов. Вот его-то и привлек себе Фома и назначил стратигом примерно десятитысячного сухопутного войска. Снарядил он и морской флот, дал ему другого стратига и словно некий головной отряд отправил его вперед, решив штурмовать город как с суши, так и с моря. Так все и было сделано, морские и сухопутные силы одновременно подошли к Влахернской бухте ³⁸ (нисколько не помешала им протянутая железная цепь!). Их присутствию, однако, не придали почти никакого значения, и потому не совершили они ничего достойного упоминания. Впрочем, Фома с помощью каких-то механиков изготовил бараны, черепахи и гелепопы, ³⁹ коими думал сокрушить стены, кроме того, усыновил и привлек к восстанию некоего Анастасия, черного телом, черного душой (он только что оставил монашество и предался мирской и суетной жизни), и во главе многочисленного войска приблизился к царственному городу. Он полагал, что стоит ему появиться перед стенами, как горожане из одной ненависти к Михаилу сразу распахнут перед ним ворота. Но поскольку его надежды не оправдались и, более того, защитники осыпали его градом поношений и оскорблений, Фома разбил палатку полководца и лагерь у дома Павлина в том месте, где наподобие некоего дворца сооружен храм святым Бессеребренникам. ⁴⁰ Своим войском он прочесал всю местность до Евксинского Понта, Иерона и еще дальше, желая убедиться, не затаился ли за его спиной какой-нибудь враг. ⁴¹ (выходы флота Фомы в Евксинский Понт – Черное море – «и еще дальше» тоже не устраивают медиевистский официоз).

Константинополь времен турецких завоеваний

http://www.puminfo.org/MD/Moldova/Business/Turkey/image_turkey/map.jpg

14. ⁴² Похоже такое было у него на уме, но вот, когда, дав себе на подготовку несколько дней, Фома высмотрел с некоего наблюдательного пункта, что укрепил Михаил на кровле храма Богоматери ⁴³ боевое знамя, что оттуда испрашивает он и вымаливает силу против врага, что сын его Феофил обходит вместе со священным сословием по

окружности весь город, неся животворное древо креста и платье всесвятнейшей матери Христа и Бога нашего, ⁴⁴ потерял всякую надежду, преобразился, словно хамелеон, и стал думать, как бы не пришлось ему сражаться с силами не только зримыми, но и незримыми. Он не знал, что делать, но, продолжая [30] надеяться на свое огромное войско, решил положить конец сомнениям боевой схваткой. На рассвете следующего дня он подал сигнал к сражению, вывел своих мужей, сыну поручил вести бой по окружности сухопутных стен, а сам с множеством воинов и орудий, коими хотел испытать крепость городских стен, принялся штурмовать влахернские башни. Он приставил лестницы нужной высоты, придвинул с одной стороны черепахи, с другой-бараны, отовсюду осыпал стены стрелами и камнями и решил, нападая со всех сторон, всеми способами вселить ужас в горожан и взять город. (осадную технику северяне умели использовать со времен князя Роша, затем ее славились скифы в 3 веке н.э., гунны в 5 веке, славяне Византии в 7 веке).

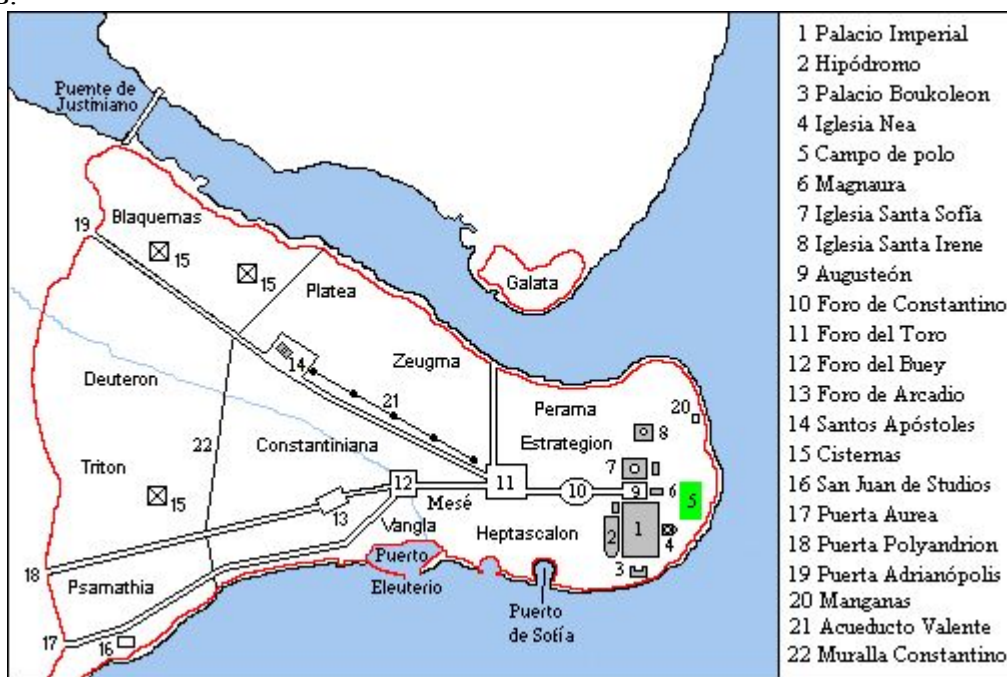
Не оставил он в покое и морские стены, но, окружив их со всех сторон флотом, приказал пускать в дело без разбору (а это то же самое, что я без смысла!) стрелы, огонь и четырехногие гелеполы. Потому-то и пропала впустую вся мощь стольких собравшихся там мужей. Что же до флота, то внезапно поднялся встречный ветер, погнал его и рассеял в разные стороны-буря была ужаснейшая! А на суше защитники мужественно сражались и густым дождем стрел, пускаемых с башен, мешали врагу пользоваться лестницами, а его машины или вовсе не достигали стен (а это вовсе меняло дело и говорило об отсутствии у врага военного опыта), если же и доходили, то оказывались весьма слабы, для настоящего боя негодны и не могли ни стен сокрушить, ни даже воинов согнать с башни. Когда же выяснилось, что события развиваются не так, как возвестила я разнесла прежде молва, но все оказалось менее страшным и словно направлялось и исполнялось умом весьма недалеким, осажденный город сразу воспрял духом, пустил в дело далеко разящие стрелы, чем и заставил врага отойти подальше от стен, бросить множество машин и задуматься над собственным спасением. Так как осада развивалась вопреки планам Фомы и сопротивление оказалось упорнее, чем он ожидал, а, с другой стороны, и время года уже давало о себе знать жестокой непогодой (наступила зима, ⁴⁵ а Фракия среди других областей-холодная), Фома отвел войска и расположился на зиму.

План Константинополя (из средневекового атласа)

www.ant.md/projects/turkey.htm

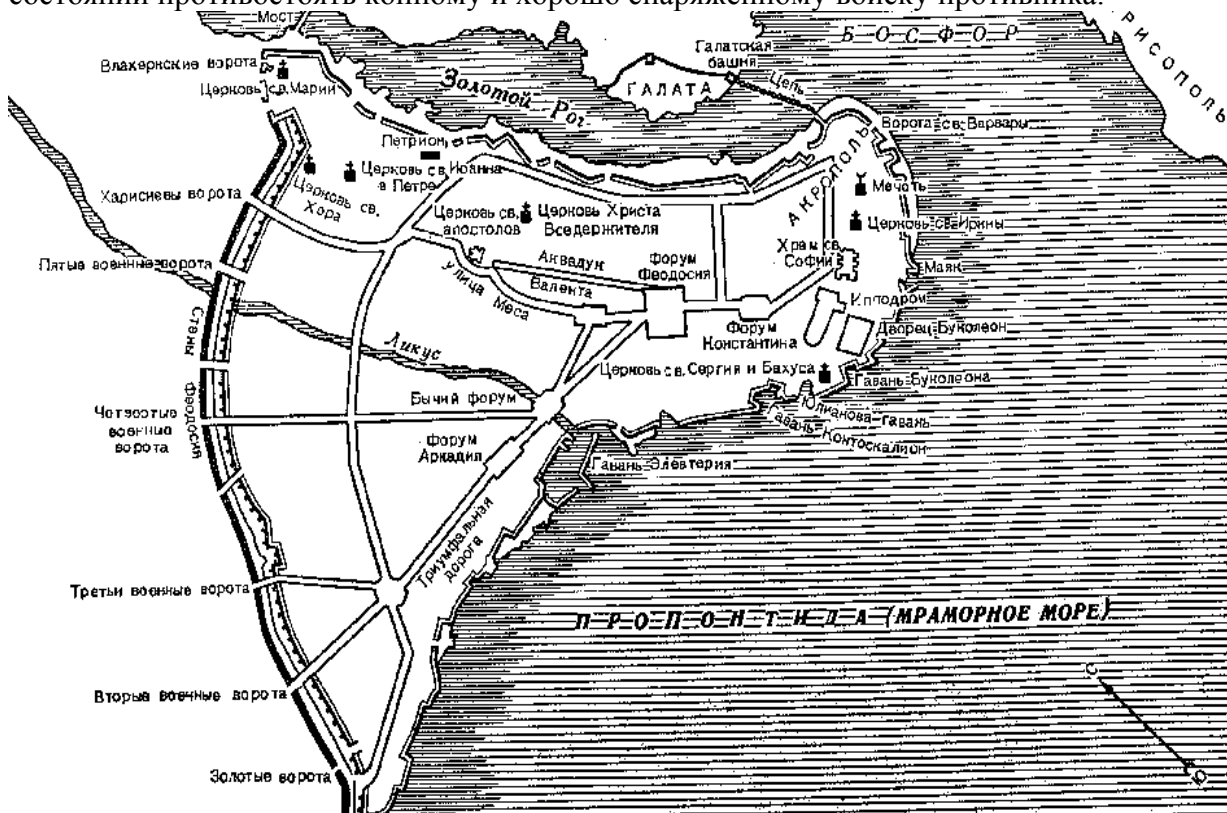
15. Когда первая улыбка весны побудила его воинство покинуть свои укрытия и логовища, решил Фома снова напасть на Константинополь с моря и с суши. Но уже застал он Михаила не в прежнем виде: царь успел собрать войско на суше и флот на море. С тем же снаряжением явился Фома на прежнее место - Влахернскую бухту. На рассвете он подал сигнал к бою и собрался сокрушить влахернскую стену, однако Михаил с высоты стены вступил в разговор с некоторыми из его воинов, предложил им свободу от наказаний, пообещал много благ, если только перейдут на его сторону и не пожелают мараить себя кровью единоплеменников и братьев. Однако, произнося такие речи, он будто воду лил в дырявую бочку (это по пословице) и только прибавил дерзости врагу (это к нему-то обращаются с увещаниями!) или, иными словами, и врага избавил от страха, и в себя вселил бодрость и силу. Затем неожиданно защитники высыпали из многих ворот, там, где их совсем и не ждали, вступили в бой, учинили великую резню и одержали блестящую победу. А на море одержана была победа еще большая, чем на суше. Когда царские триеры ⁴⁶ вышли в море и только еще собирались вступить в схватку, а мятежный флот лишь завязывал битву и метал камни, не знаю, что вдруг случилось [31] и какие страхи и волнения обуяли вдруг врага, только повернул он назад и поспешил к берегу. Одни из моряков переметнулись и перебежали к самодержцу, другие направились к своему сухопутному войску, во всяком случае оставаться и сражаться на море отказались решительно все. Вот так без труда был рассеян и обращен в ничто флот, который так и не совершил ничего, что было соразмерно огромному числу его кораблей в пливших на нем воинов.

<http://inicia.es/de/bizantino/Constnpl2.jpg>

16. Видел упомянутый уже Григорий, ⁴⁷ сколь жалок мятежник и во что превратится со временем из-за своего пристрастия к попойкам и отсутствия разума, который больше, чем что другое, может принести победу, и потому взял часть своего отряда (предварительно снесся он с царем с помощью посланного царем студийского монаха), решил отделиться от остального войска и стал действовать в тылу у мятежника. Он угрожал и не давал покоя Фоме и этим зарабатывал прощение грехов себе, а также снисхождение к супруге и детям, которых держали в тюрьме после его перехода к мятежнику. Но не дошла весть об этом до императора, настолько отрезан он был от всех остальных, будь то кто-нибудь из близких или дальних, кто взял бы его сторону. Ну а Фома, который боялся, как бы вдруг не усилился Григорий, и в то же время хотел вселить страх в своих воинов, преследуя прежнюю цель, осаду с города не снял, но решил предупредить нападение с тыла, взял небольшое число воинов, способных, как он думал,

сразиться с Григорием, победил его, настиг бегущего и убил. Он быстро возвращается к осаждающему город войску и рассылает повсюду письма с известием о победе (которой не было!), а также приказывает [32] быстро доставить ему флот от берегов Эллады, дабы вновь уже с большими силами напасть на наш берег. И вот триста пятьдесят кораблей, включая диеры и грузовые суда, отплыли с попутным ветром и причалили в гавани Вириды во Фракии. А в это время незаметно приблизился и напал на них царский огненосный флот,⁴⁸ многие корабли были захвачены вместе с командой, иные сожжены могучей рукой, а те немногие, кто остался невредимым, мечтали только о том, как бы добраться до Влахернской бухты и соединиться с сухопутным войском. Так все и вышло. Вот таким образом развивались события на море. Ну а на суше перестрелки чередовались со стычками, и то Михаил, то его сын Феофил вместе с Ольвианом и Катакилом выходили на врага, нанося и получая смертоносные удары. Но нельзя было решить дела доблестью и силой в регулярном строю и честном бою, ведь был Михаил много слабее и не в состоянии противостоять конному и хорошо снаряженному войску противника.

<http://hronos.km.ru/maps/1204konst.gif>

17. В разгар этих событий⁴⁹ болгарский царь Мортагон⁵⁰ (уже успела распространиться по вселенной молва, возвещающая, что сидит в осаде ромейский царь) тайно отправил к царю послов, по собственной воле обещал прислать ему союзное войско и предложил большую помощь. Однако Михаил то ли по правде постыдился и пожалел соплеменников, то ли поспешил на деньги (а по сравнению с другими царями он щедростью не отличался) и решение его похвалил, но от содействия отказался и ответил, что не примет его помощи, чего бы не сделал мятежник. Несмотря на это, Мортагон, который любил войны и радовался добыче, которую они приносят, стремясь укрепить и упрочить тридцатилетний мир, заключенный предшествующим императором Львом,⁵¹ снарядился против войска узурпатора, нагло вторгся в ромейские пределы и встал лагерем в местечке под названием Кидукт.⁵² Слухи об этом разнеслись и не могли не дойти до мятежника.

Сначала он, как и должно, взволновался, обеспокоился, но потом пришел в себя и снарядил войско против болгарина. Фома, однако, понимал, что, разделив свое войско на две части, окажется слаб и легко уязвим (не малого войска, а большого и сильного

требовала осада царственного города, ведь Михаилу удалось собрать значительную армию, крепко встать на ноги и не раз наносить поражение врагу, с другой стороны, и болгарской силе следовало противопоставить не маленькое воинство и не тощий строй, а полки многочисленные и сильные)-и вот, дабы, располовинив силы, не уподобиться растекшемуся потоку, не предстать перед врагом слабее прежнего и не подставить себя под удар, он полностью снимает осаду с города и, полагая, что достанет сил бороться с болгаринном, выстраивает свое войско в упомянутом месте.

18. Схватились между собой противники, и узурпатор был наголову разбит. Не он гибель посеял, а сам ее претерпел от врага. И не могли его воины найти себе иного спасения, кроме как в бегстве, а рассеявшись по труднопроходимой местности, задумались о том, как вновь соединиться вместе. Болгарский же предводитель тотчас собрал всех захваченных пленных, взял богатую добычу и отправился на родину, гордясь и радуясь одержанной победе. Ну а команды кораблей (те, что осаждали город), узнав о случившемся, явились к царю и перешли на его сторону. [33] Тем временем обуянный своими союзниками-демонами мятежник дошел до такой дерзости, что, хотя теснили и били его со всех сторон и войско его таяло, а сам он ни одной настоящей победы не одержал ни в открытом бою, ни когда изо дня в день шли движимые множеством рук на приступ городских стен его машины, тем не менее вновь собрал свое войско за несколько стадий от города на равнине Диавасис, удобной для лагеря благодаря обильной растительности и проточной воде. Оттуда он совершал набеги, предавал огню и мечу все пригородное благолепие, однако перед защитниками города уже, как прежде, не появлялся. Понял это Михаил, сколотил изрядное войско и вместе с Ольвианом и Катакилом-людьми неутомимыми и верными-выступил против мятежника. Противника царь встретил не робкого и пугливого, а к бою готового и, решив разом покончить все дело, сошелся с ним врукопашную. Мятежник собрался было перехитрить царя, но сам пал жертвой собственной хитрости и вовсе не достиг цели. Он приказал воинам обратить тыл, как только разразится битва, но не учел при этом настроения своих людей, по его милости давно оторванных от жен и детей, замаравших руки братской кровью. Не ждали они столь долгой и столь растянувшейся походной жизни и сначала были готовы ко всему, но время текло (шел третий год),⁵³ и из того, что видели ежедневно вокруг себя, поняли они, за какое безнадежное дело взялись, что служат прихотям и безумию одного человека, и потому, восприняв приказ как неожиданную удачу, выполнили его не по замыслу Фомы, а так, как им самим показалось нужным. Он приказал им отступить ровно столько, сколько надо было, чтобы нарушился царский строй, а потом повернуть назад и нанести смертельный удар. А они, видя, что царское войско преследует их не вразброд, как предполагалось, а в порядке и по всем правилам военной науки, сами пустились в беспорядочное бегство, рассеялись и бросились наутек. И стали они понемногу, то одни, то другие, переходить к царю и клясться ему в верности. Сам же Фома с несколькими спутниками спасся бегством в Адрианополь⁵⁴ и там остался. А его неродной приемный сын Анастасий во время отступления захватил городок Визу, и я полагаю, произошло это не случайно, но по воле провидения, каждый из них, отвлекая царя для осады, давал другому время и возможность совершать набеги за продовольствием.

19. Царь следовал за ними по пятам и решил сначала осадить Фому, чтобы воздать ему за все преступления. Он начал осаду, однако стремился взять город не с помощью осадных и иных орудий (Михаил избегал воевать с согражданами и в то же время не хотел обучать обитателей Скифии⁵⁵ обращению с машинами; **комментатор «скромно» сообщит, что здесь речь о Болгарии – хотя по контексту речь явно о войсках Фомы**), а голодом и нуждой, поскольку город, видимо, не имел запасов и испытывал недостаток в продовольствии. Так он решил и приступил к делу. Ну а осажденный сперва изгнал из города всякую ненужную живую тварь, а потом и людей, по возрасту бесполезных для дела, при этом распорядился отнюдь не призывными речами, а властным и суровым норовом. Это вновь возбудило к нему ненависть. Когда голод достиг предела, надежды на

спасение уже никакой не осталось, а желудок требовал непременно своей дани, одни тайно бежали [34] через какие-либо ворота, другие спускались со стен на ремнях, одни отдавали себя в руки царя, другие бежали к сыну, в крепость Виза.

Когда же съели не только продукты, но и всякую дрянь и заваль и дело дошло до гнилых кож и шкур, некоторые из горожан вступили в переговоры с царем, выпросили и получили у него прощение, а потом схватили мятежника и на руках доставили и выдали его врагу. А тот прежде всего совершил то, что издавна принято и вошло у царей в обычай- попрал его ногами, изувечил, отрубил руки и ноги, посадил на осла и выставил на всеобщее обозрение. Фома же при этом восклицал трагическим голосом лишь одно: "Смилуйся надо мной, истинный царь".⁵⁶ А когда спросил царь, нет ли у Фомы сторонников среди его друзей, тот готов был оговорить многих, но некий муж, Иоанн Эксавулий сказал, что негоже, да и глупо, царь, верить доносам врагов на друзей, и этими словами отвел Иоанн кары от несчастных граждан и своих друзей. Так окончил жизнь мятежник, испустив дух, словно издыхающий зверь, в долгих муках. Это случилось в середине октября.⁵⁷

Сначала Фома казался человеком решительным, смелым и целеустремленным, но в дальнейшем не оправдал ни собственных обещаний, ни ожиданий других. А было это результатом собственного его преобразования и ухудшения или случилось из-за измены его воинов- достаточных сведений нет. Пока не выходила за свои пределы война, которую он сам учинил в высокомерии и наглости, и пока сомнительно было, на чьей стороне сила, дела его не уступали словам, и все шло как задумано, а вот когда он покорил почти всю Азию, не встречая никакого сопротивления, с гордыми намерениями переправился в Европу, то-человек без образования и воспитания, возвращенный в подлом невежестве,- он распалился, расчванился и лишился рассудка, ибо из-за ежедневного разнузданного пьянства пустился в любовные истории и заключал совсем нецеломудренные браки. Однако предоставим другим людям, если не пожелают они нам следовать, по-другому судить об исходе этих событий. Впрочем, достаточно об этом. Обосновавшиеся же в Визе, видя нависшую опасность, быстро изменили свое настроение и, как только узнали про постигшую Фому беду, в подобных обстоятельствах свершили подобное и привели Анастасия, связанного по рукам и ногам. Испытав те же муки, что и отец, он тоже расстался с жизнью.

20. Несмотря на случившееся, фракийские города Паний и Ираклия продолжали мятеж. Они питали столь великую ненависть к Михаилу кроме всего прочего потому, что не желал тот отрешиться от ненависти к божьим иконам. Михаил двинулся на них войной, и поскольку стены Пания рухнули от землетрясения, вход в город не составил для него труда. Ираклия еще сопротивлялась, но была захвачена с моря, причем тоже без пролития крови, город отказался от мятежа и принес царю клятву верности. Таково было начало восстания Фомы, и такой конец его ожидал. Победоносный царь вернулся из материковых городов и ничего другого не придумал для бунтовщиков, как провести их в процессии со связанными за спиной руками во время устроенных по такому случаю ристаний, а самых из них виноватых отправил в ссылку.

Михаил немедленно послал хрисулу Херею, а также Газорину, хранившим верность Фоме (Херей [35] владел Кавалой, Газорин- Санианой, они совершали оттуда много набегов, жили разбойно и самовластно), обещал им высокие титулы магистров, прощение вины и к тому же сообщал о смерти Фомы. Но не удалось посланцу царя убедить этих спесивцев с неукротимой душой. Зато привлек он к себе других-людей подчиненных, привел их к покорности царю и убедил, когда те выйдут на обычный свой разбой, закрыть городские ворота и не вступать с ними ни в какие переговоры. Так все и было. А они, оказавшись перед запертыми воротами, мучимые страхом, двинулись в Сирию, однако были схвачены, живьем подвешены на деревьях и расстались с жизнью. Нельзя обойти молчанием и того, как предали Газорина и как преградили ему путь в город. Посланец царя завоевал расположение одного селянина, обладавшего хорошим

голосом, любителя распевать грубые деревенские песни, и сочинил для него песенку со словами, рассчитанными на эконома Газорина. Вот она: "Послушай, господин эконом, что говорит Газорин, коли отдашь мне Саниану, сделаю тебя митрополитом и отдам Неокесарию".⁵⁸ Он часто ее распевал и довел до слуха эконома. Тот понял ее смысл и на что она намекает и, когда вышел Газорин из города, запер ворота и оставил его за стенами. Вот все об этих заоблачных крепостях и как были они возвращены Михаилу.

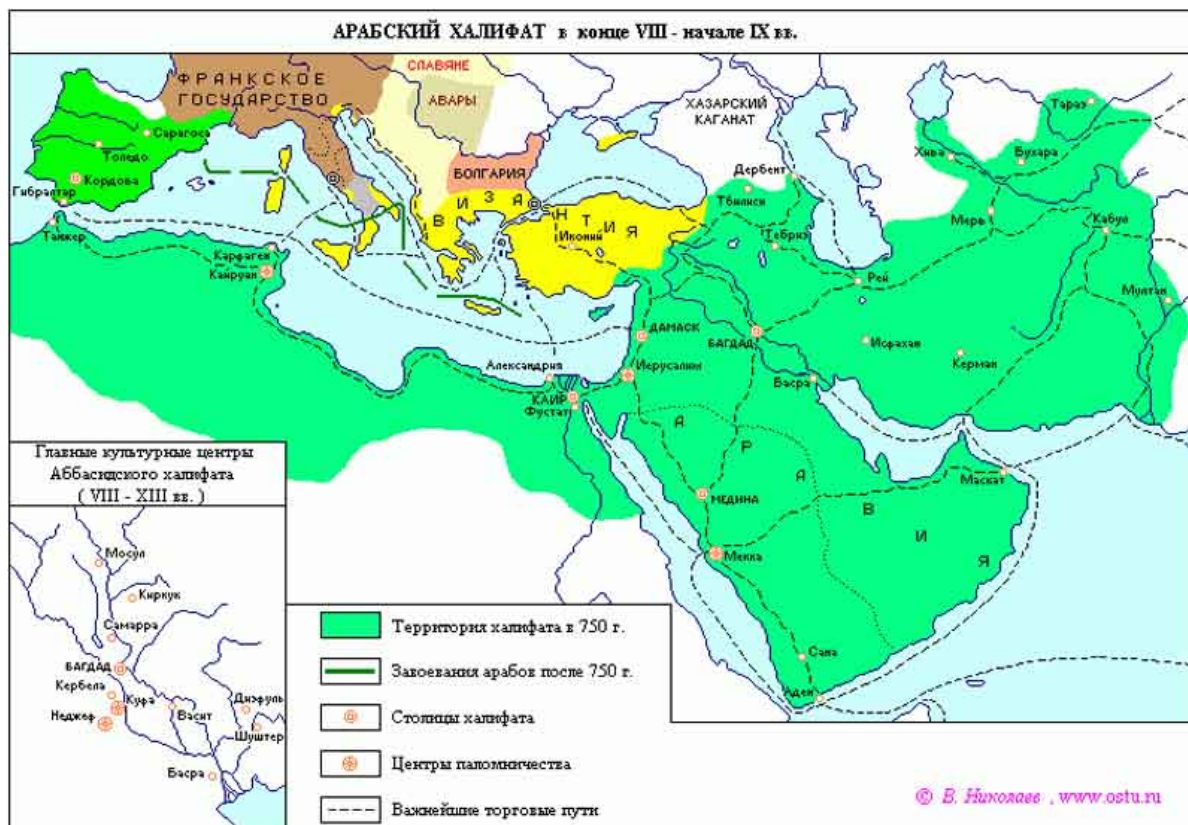
20.⁵⁹ Но не унялся на этом вихрь бед. От гнева господня (хотя и не дошло тогда это до людей) оба материка-Азия и Европа, словно голова и хвост, получали уроки убийствами, пожарами, землетрясениями, разбоями, гражданскими неурядицами, неожиданными городов изменами, знаменами с неба, знаменами с воздуха, а в конце концов, словно на среднюю струну, дабы полнозвучен был удар,⁶⁰ надвинулись ужасы и на несчастные острова. Но не пошли впрок уроки тем, кто отказывался поклоняться божественным изображениям в человеческом облике.

21. Когда только началось восстание Фомы и слух о нем разнесся повсюду, агаряне, обитавшие поблизости от океана по западному заливу Ивирии (быстротекущее время переименовало их в испанцев), умножившись числом и видя, сколь скуден и небогат западный край их страны, как земле ее недостает плодородия и изобилия, как небогат также восток и север Ивирии (не вся она плодоносна, не ко всякому виду земледелия пригодна, однако ее западный край, как утверждают, еще засушливей и скудней остальных) не может она прокормить их-мужей рослых, возрастающих от изобилия, а не от скудости,-и вот поэтому пришли они к своему амермуму⁶¹ Апохапсу и попросили отселить их и переместить в новое место, ибо де стеснены они своей многочисленностью и тяготятся недостатком припасов. Апохапс снарядил большие суда, посадил на них изрядное войско из арабов и, питая тайное намерение, направился грабить подвластные нам острова, расположенные к востоку. Он выполнял желание своих людей и кормил их чужими припасами и одновременно хотел посмотреть, не найдется ли какого-нибудь плодородного и изобильного острова для переселения. Не раз подплывал он к островам, но нигде не встретил ни противника, ни большого судна, ни малого (не могло быть там кораблей, все ушли вместе с Фомой против Константинополя). Везде, где бы ни причаливал, захватывал он большую добычу [36] и в конце концов приплыл к критянам, как и должно, взял у них много добра и пленных, а когда увидел там повсюду плодородные земли и сколь они благостны и изобильны, сказал: "Вот та самая земля, что сочится медом и молоком".⁶² Запасшись всевозможным добром, он вернулся на родину и всеми силами принялся за сооружение флота. С окончанием зимы и первой улыбкой весны он посадил воинственных мужей на сорок кораблей, дождался попутного ветра и, не обращая никакого внимания на другие острова, прямым путем отправился к Криту. Арабы приблизились к острову, подошли к берегу и причалили у мыса Харак.

Они не наткнулись на противодействие ни при подходе, ни при высадке, отправились за добычей и на разбой и с легкостью осуществили свой замысел, потом Апохапс послал подходящих людей в набеги и на захват пленных, а сам с остальными, когда усилился ветер (а его люди уже были в десяти-пятнадцати стадиях от берега), поджег корабли и спалил их все до одного. Все были поражены и испуганы столь неожиданным поступком, и войско, которое немедленно возвратилось, потребовало объяснить причину и возмущенно роптало. Когда же услышали, что давно замыслили...⁶³ "Это вы стремились к отселению и искали получше землю. А мне кажется, что лучше этой нет. Я и отправился в такой путь, чтобы и вас ублажить и себя от вашей назойливости избавить". Тут они вспомнили жен, пригорюнились о детях, но он им ответил: "Женами вам станут пленницы, а дети не заставят себя ждать". Такими речами он принудил их замолчать, и они, одоблив его слова, прежде всего, вырыли глубокий ров, разбили лагерь (поэтому и место это до сих пор именуется Хандак), в котором ночевали, расставив необходимую стражу, и хранили свои припасы.⁶⁴».

Далее подробности: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/TheophCont/frametext2.htm>; см. комментарии. (пер. Я. Н. Любарского) Текст воспроизведен по изданию: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. М. Наука. 1992 © текст - Любарский Я.Н. 1992 © сетевая версия - Thietmar. 2003 © дизайн - Войтехович А. 2001 © Наука. 1992

Так движение Фомы вызвало большие геополитические потрясения первой трети 9 века. Но импульс к завоеванию власти в империи шел хотя бы от Акамира. Движение Фомы явно усилило Арабский халифат, в котором служило немало славян.

<http://www.russika.ru/ctatjajv.asp?index=199&pr=1>
<http://www.russika.ru/ctatjajv.asp?index=201&pr=1>
<http://www.russika.ru/ctatjajv.asp?index=202&pr=1>
<http://www.russika.ru/ctatjajv.asp?index=203&pr=1>
http://img1.nnm.ru/imagez/gallery/7/3/8/9/3/73893ea07489cb4b68432a65e99bb797_full.jpg
<http://www.vostlit.info/Texts/rus5/TheophCont/frametext2.htm>

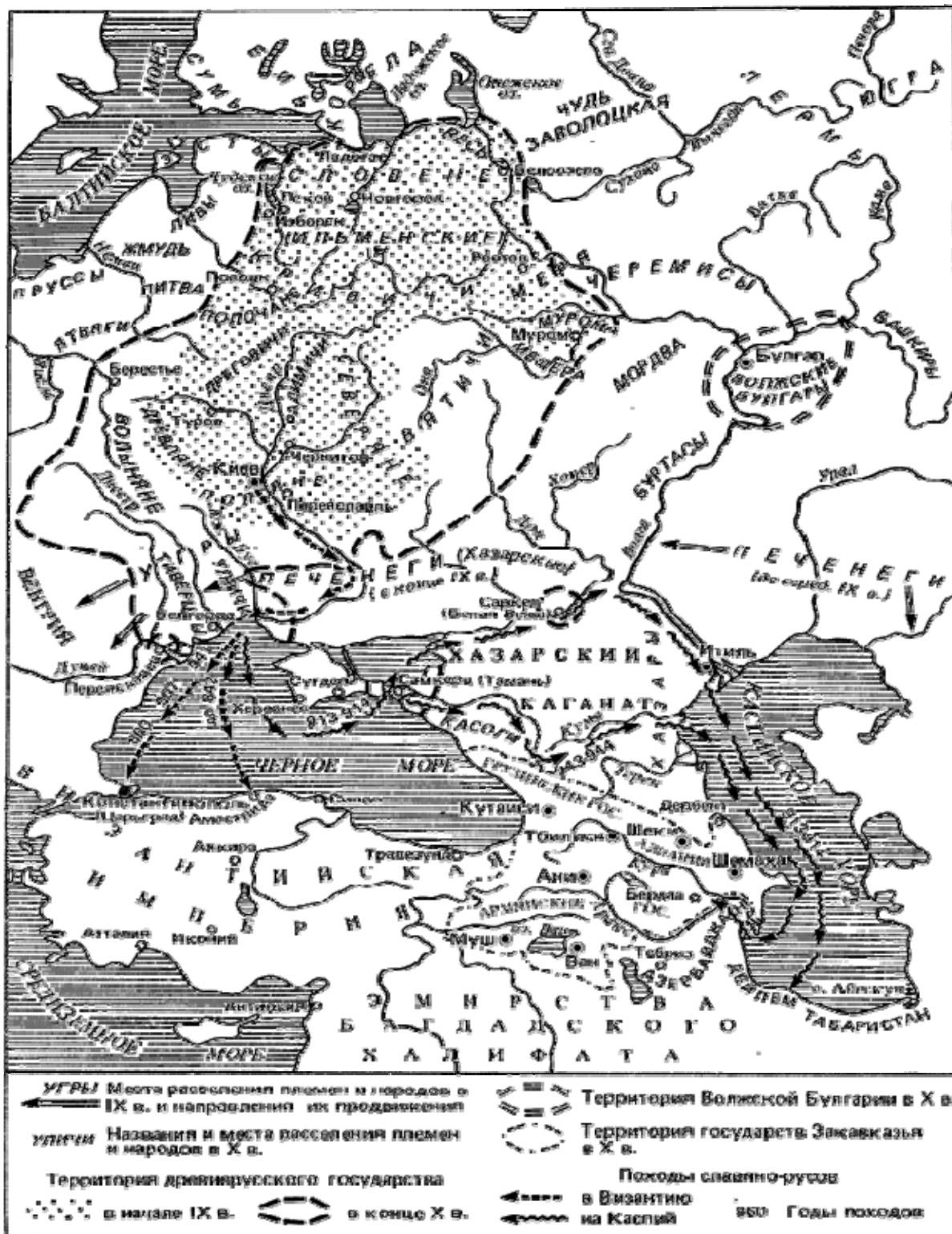
История средневековой Руси с учетом азиатских славян (переселенцев преимущественно с Волги и Дона) и движения Фомы Славянина предстает в значительно ином свете, чем при нынешней гипертрофии неонорманистских подходов (явно антироссийских и – при намеренном обрезании исторических корней и традиций – антинаучных, политизированных в интересах Запада).

Движение было хотя бы в духе выступлений славян-гвардейцев Небула (конец 7 века) в Малой Азии, дружин Северного Причерноморья, которые привели к власти императора Филиппика (начало 8 века), дружин славянина Акамира, который хотел в конце 8 века привести к власти в Византии своих людей (как это делал род аланов Аспаров в 5 веке и пытался сделать Виталиан в начале 6 века). Жизнь в южных странах была значительно теплее и хлебосольнее, чем на обильном холодами и снегами севере. И тысячи лет инициативные северяне искали счастье на далеком юге, чему история дает немало археологических, антропологических и иных подтверждений.

В связи с усилившимся влиянием северных архонств (княжений) будущий император Лев лично проводил разведку на северном Кавказе, а затем укреплял связи с правителями Хазарии. Арабы переселили с Дона или Волги в 737 г. около 20 тыс.

славянских семей на Кавказ и свои земли. Здесь хотя бы со времен Небула уже были славянские общины.

Рюриковичи отчасти тоже затем были увлечены идеей поставить под контроль династии Византии, чего достигли в 4 – 5 веках полиэтничные «готы, аланы, гунны», в 6 – 8 вв. славяне вместе с аварами и болгарами, армянами и хазарами, рядом других народов. Собственно общие интересы полиэтничной северной державы продемонстрировало и движение Фомы Славянина.

<http://gumilev.narod.ru/pics/karta043.gif>

Монета Феофила – сына Михаила П и отца Михаила Ш (Пьяницы, от которого христианские летописи ведут начало «Русской земли») была найдена и под Новгородом.

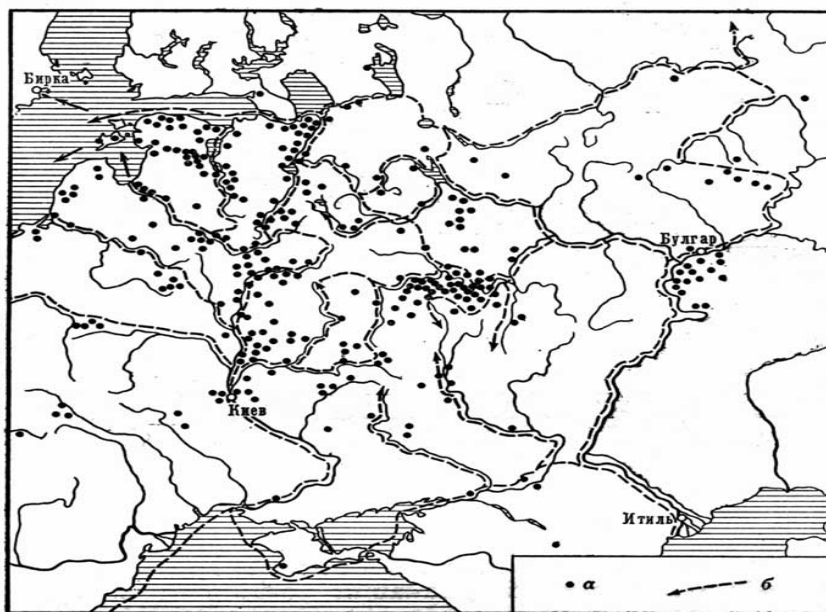
Но больше всего под Новгородом и рядом средневековых русских городов найдено арабских монет и кладов. И они одно из косвенных подтверждений благоприятствования арабам на Руси времен Фомы Славянина.

Монета Михаила Травла и его сына Феофила

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5:Solidus-Michael_II_Theophilus-sb1640.jpg

На обилие кладов арабских монет на Руси обращают внимание даже новохронологи, но всеми силами безуспешно пытаются оторвать эти монеты от 8 – 11 вв.

<http://www.chronologia.org/xpon5/im/5n02-003.jpg> Клады куфических монет (новохронологи связывают «куфи...» с «купить»).

http://numizmat.ru/netcat_files/Image/hm88_5_0_30_3_big.jpg арабские монеты неизбежно имели некоторое сходство с некоторыми монетами Византии в рамках общих традиций чеканки монет.

Основные места чеканки монет к середине 9 века, попадавших через Русь в славянские земли (Руян-Рюген) и в Скандинавию, явно тяготеют к тем регионам, откуда начиналось движение Фомы Славянина.

historic.ru/.../f00/s00/z0000056/st017.shtml

Отечественные оценки движения Фомы Славянина можно найти в работе Е.Э.Липшиц «Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв» (Вестник древней истории, № 1, 1939 г.; неоднократно возвращалась к теме). Это исследование достаточно объективно http://annals.xlegio.ru/byzant/small/foma.htm#_ftn24. На основе ряда источников автор отметила, что, пройдя через Аркадиополь до берегов Пропонтиды, к примеру - армия Омортага остановилась в районе между Гераклеей и Силиври, в местности, именованной Кидуктос (κατά τόν Κηδοῦκτου χώρον). И в происшедшей здесь ожесточенной битве (вероятно, в марте или апреле 823 г.) Омортаг понес большие потери. По словам хрониста Георгия Амартола, многие из числа его воинов были убиты Фомой и его сторонниками. Но вот Генесий и Продолжатель Феофана (см. выше) сообщают, что Фома потерпел поражение. Возможно, во втором сражении. Войска Мортагона, нагруженные добычей, ушли.

Е.Э.Липшиц давала оценки с точки зрения классовой борьбы. Но в них есть элементы научной объективности. Она отметила, что в исторических условиях первой трети 9 века ни прекрасное для своего времени техническое оснащение повстанческой армии, ни продуманный стратегический план (с учетом и арабского опыта) осады Константинополя стратегический план, ни исключительный героизм и стойкость народных масс (соратников Фомы) не могли предотвратить неминуемого провала всего движения.

Важнейшие причины неуспеха восстания коренились в самой его основе. Стихийный характер движения, связавший в рядах повстанческой армии противоречивые, классово чуждые друг другу элементы, отсутствие ясной целеустремленности и надлежащего руководства болезненно сказались на всем ходе развития событий и определили собой конечное крушение восстания. Силы реакции вскоре взяли реванш по всему фронту. Грозный натиск народных движений заставил византийскую знать сплотиться во имя защиты общих классовых интересов. Потерявшие свою былую остроту при изменившихся условиях иконоборческие споры завершились восстановлением иконопочитания в 843 г.

Вместе с тем ничего в истории не вечно и не окончательно, кроме самой истории. В сборнике 'История Византии. Том 2'(\\Академик Сказкин С.Д. (отв.редактор) - Москва: Наука, 1967) historic.ru/.../f00/s00/z0000048/st007.shtml оценки движения уже более масштабные.

Восстание Фомы способствовало сближению иконоборцев и иконопочитателей. Михаил освободил из заточения Феодора Студита и его сторонников, а Феодор Студит в свою очередь писал во время блокады Константинополя: «Теперь не время возобновлять прошлые споры. Это приносит смуты. Теперь время единомыслия!». После подавления восстания Михаил стремился не разжигать религиозных споров и предоставлял каждому относиться к иконам так как тот хочет. Иконы не конфисковывались, однако требовалось, чтобы в храмах их привешивали достаточно высоко во избежание извращенных форм поклонения. Все споры об иконах были запрещены. Выдвигались идеи компромисса. Так, Студит сообщает, что он познакомился с одной книгой иконоборца, в которой говорится, что иконы нужны только в назидание простому народу, а не для просвещенных. Впрочем, Студит отверг такую форму компромисса.

Терпимость к иконопочитанию не означала прекращения борьбы против городской знати. Ряд знатных и богатых лиц был обвинен в сочувствии Фоме и под этим предлогом выслан из столицы, их имущество было конфисковано. Власть иконоборческой знати значительно окрепла, и это дало возможность основанной Михаилом II Аморийской династии продолжать политику иконоборчества еще два десятилетия.

Гражданская война в Византии отразилась на военной мощи страны, особенно на море. В 823 г. египетские мусульмане предприняли поход против Крита и около 826 г. овладели им. Это была тяжелая потеря для Византии, потому что Крит стал пиратским государством и морская торговля Византии оказалась почти парализованной. В то же время началось вторжение африканских мусульман в Сицилию. Византия не смогла послать нужные военные силы, и большая часть острова попала в руки арабов. Сын Михаила II — Феофил (отец Михаила III как летописного символа появления «Русской земли»), явно учитывал северные угрозы. Но иконопочитание считал невежеством, а монахов — социально опасным элементом (хотя и строил новые обители для опальных вельмож). Иконопочитание запретил. Особенно преследовал религиозную живопись. Но известен как страстный любитель церковной музыки, да и сам был видным церковным композитором.

Внешняя политика Византии основывалась на традиционном союзе с хазарами. Но Хазарию охватывали длительные религиозные войны, усиливалось влияние в Северном Причерноморье угров. Когда византийские строители во главе с Петроной в 834 г. прибыли в Хазарию, чтобы помочь хакану построить крепость Саркел на Дону, хазары блокировали здесь строительство христианского храма. Империи вернулась к политике поддержки в качестве своего оплота Крыма, который со времен античного Рима рассматривался как опора империи. Здесь принимал христианство новгородский князь Бравлин, здесь затем примет христианство и князь Владимир.

Полномасштабная оценка движения Фомы Славянина с учетом накопленных к началу 21 века данных назрела до крайности. В рамках славяноведения – абсолютно. В рамках российской истории – решать россиянам. Но – вероятнее всего - не стоит лишать средневековую Русь активности в Азии восточных славян, пусть и скифского рода. А кто из народов Руси не продолжал традиции Великой Скифи ?!